

**АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ**

РОМАН ГЛУШКОВ

КАРАТЕЛЬ БОГОВ

Зона Смерти

Роман Глушков
Каратель богов

«ЭКСМО»

2012

Глушков Р. А.

Каратель богов / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2012 — (Зона Смерти)

Это было пострашнее Чернобыльской катастрофы. На этот раз грохнуло сразу в пяти местах. От Соснового бора под Питером до института Курчатова в Москве, от Новосибирского академгородка до Казантипа. Одновременные взрывы чудовищной мощности положили начало кошмарному Пятизонью... «В шпионской войне нет запрещенных приемов!» – таков девиз военно-разведывательного Ведомства, втайне следящего за нелегальным научным проектом «Исгор», который окопался в Пятизонье. Одна проблема: его создателей финансирует и охраняет ЦРУ, которое близко не подпускает к «Исгору» конкурентов. Командир Ведомственной опергруппы под псевдонимом Трюфель проявляет незаурядное мастерство, чтобы вывести из игры могучего врага и отобрать у него уникальные, имеющие громадное стратегическое значение технологии. Ситуацию осложняет то, что ЦРУ знает о присутствии в Зоне оперативников Ведомства. Но это не останавливает Трюфеля, и он вступает с американской разведкой в жестокую тактическую игру, где победить сумеет лишь тот, кто быстро стреляет и еще быстрее думает...

© Глушков Р. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роман Глушков

Каратель богов

Люди, подобные Талейрану, – как острые лезвия, играть с которыми опасно; но при больших язвах нужны радикальные средства лечения, и доктор не должен бояться использовать тот инструмент, который режет лучше всего.

Австрийский посол Меттерних – о скандально известном французском дипломате Талейране, 1818 г.

Неужели князь Талейран умер? Любопытно узнать, зачем ему это понадобилось!

Шутка, ходившая во Франции в год смерти Талейрана, 1838 г.

Пролог

Пятизоне...

Пять аномальных зон, образовавшихся в 2051 году на территориях России и Украины...

Пять районов – Москва, городок Сосновый Бор под Петербургом, Новосибирск, Черномыль и Керченский полуостров Крыма – вдруг оказались под загадочными куполами Барьера, и проникнуть сквозь них можно лишь в специальных сверхпрочных скафандрах...

Что же творилось под этими зловещими куполами?

Огромные вихри, внутри которых находились порталы, ведущие в другое измерение, бушевали в центре каждой аномальной локации. Проникающие из порталов в наш мир нановирусы-скорги не щадили никого: ни людей, ни технику. Последняя, заразившись скоргами, выходила из-под контроля и превращалась в монстров-механоидов, не испытывающих к бывшим хозяевам-людям ни капли жалости. Кроме того, везде, словно язвы, возникали «ловушки» – места, где видоизмененная скоргами материя приобретала агрессивные свойства и убивала любого, кто к ней прикасался. И повсюду среди этого хаоса буйно разрастались автоны: металлорастения, способные сплетаться в гигантские колонии-Городища.

Человеку в Пятизоне явно не было места. Но разве мог царь природы отступить, не попытавшись подчинить себе этот загадочный недружелюбный мир? Мало-помалу в Пятизоне стали проникать люди. Их влекла сюда не только жажда наживы, но и жажда познания. Среди них были исследователи-одиночки, работающие на одном энтузиазме, и охраняемые войсками целые научные экспедиции. Были здесь и отчаянные искатели богатства, славы и приключений, называющие себя *сталкерами*, и экстремистские группировки, исповедующие радикальные идеи и имеющие свои взгляды на то, что здесь происходит. И редко когда их взгляды совпадали. Практически все группировки враждовали между собой, и каждая из них считала, что лишь она воюет за правое дело.

Одним из первых важных открытий в Пятизонье стал телепортационный эффект. Выяснилось, что с помощью порталов-вихрей человек может перемещаться между удаленными друг от друга на тысячи километров локациями этого мира. Процесс телепортации был рискованным, ведь механоиды также всю пользовались этим средством передвижения. Но в любом случае оно было самым практичным способом путешествия по Пятизонью. Тамбуры – так прозвали сталкеры эти порталы-вихри, когда научились укрощать сокрытую в них энергию.

Случались здесь и другие, столь же невероятные открытия, путь к которым был усеян телами ученых-исследователей и рядовых сталкеров. К 2058 году Пятизонье было уже достаточно разведано, хотя загадок в нем по-прежнему оставалось превеликое множество...

Идея окультурить металлорастения и заставить их служить человеку пришла к ученому Давиду Талерману давно. Но, будучи чересчур дорогостоящей и рискованной, она не получила одобрения в военно-научном институте, где работал Давид Эдуардович. И тогда он в отчаянии бросил институт и, оставшись в Пятизонье нелегально, решил все-таки воплотить в жизнь свой проект искусственного Городища – Иггор. Воплотить любыми средствами, какие только были доступны исследователю.

Он не брезговал ничем. На пути к цели Талерман даже сумел объединиться с королем скоргов Трояном – разумной колонией нановирусов и самым совершенным убийцей в Пятизонье. Троян стал главным помощником Талермана при постройке Иггора. Преодолев немало трудностей, Давид Эдуардович на пару с королем скоргов возвели-таки искусственное Городище на севере Москвы, возле Химкинского водохранилища.

По ходу дела к ним примкнули еще два могущественных союзника.

Первый из них – бывший военный пилот, а ныне мутант, легенда Пятизонья и его пленник по прозвищу Алмазный Мангуст. Благодаря Талерману он наконец-то обрел возможность встречаться с живущими за Барьером женой и дочерью. А также заполучил новую способность – с помощью энергии Иггора телепортироваться в границах Пятизонья без помощи тамбуров.

Вторым союзником и одновременно щедрым финансистом Давида Эдуардовича стала миротворческая компания Guarantee Of Defense and Support, или G.O.D.S. Она взяла Иггор под охрану, прислав в Зону своих агентов, а также организовала опеку над семьей Мангуста. Но в действительности G.O.D.S. двигали отнюдь не миролюбивые мотивы. Под ее личиной скрывалось всевидящее ЦРУ и его деньги. Это оно задумало прибрать к рукам перспективные разработки Талермана, пока их не перехватил кто-то еще.

А такой претендент объявился довольно скоро. Прознав о том, что ЦРУ ведет в Пятизонье широкомасштабную игру, российское военно-разведывательное Ведомство направляет туда свою оперативную группу. Ею командует тактический эксперт, известный в Ведомстве под псевдонимом Трюфель. Благодаря своим талантам ему удалось установить контакт с Мангустом еще до того, как тот примкнул к Талерману. И теперь оперативники Ведомства намерены использовать Мангуста, чтобы получить доступ не только к технологиям Иггора, но и к банковским счетам G.O.D.S.

Под куполами Барьеров разворачивается теневая война, подобных которой Пятизонье еще не видывало. И многие из вовлеченных в эту войну и переживших ее сталкеров так никогда и не узнают, пешками в какой грандиозной игре им довелось побывать...

Тремя месяцами ранее

Пятизонье. Москва. Химкинское Городище.

Военно-научный полигон «Альтитуда».

– ...Итак, Мангуст, что же конкретно тебе известно о человеке, который взялся копать нам яму?

– Очень немного, Давид Эдуардович. Он называет себя Трюфелем, служит в Ведомстве, в отделе «Гермес» оперативником и является самым настоящим оборотнем-редупликантом.

– Редупликант?! Не знал, что такие люди уже существуют. В последний раз, когда я интересовался данной научной теорией, она еще не была подтверждена на практике.

– Да, Трюфель – редупликант, и это совершенно точно. Я и Мерлин собственными глазами видели, на что он способен. Всего за пять минут он превратился из плюгавого пожилого европейца в стокилограммового пуэрториканского мордоворота. И это, надо понимать, еще не предел его возможностей. Вдобавок он хитер, как лис, и сумел неплохо обжиться в Зоне. Уверю вас: на сегодняшний день это наш с вами главный противник, недооценив которого мы рискуем в итоге лишиться всего.

– Что ж, возможно, возможно... Вот только никак не пойму: если этот Трюфель настолько умен, зачем же тогда он раскрыл вам свои стратегические планы? Разве можно идти грабить банк, позвонив перед этим в полицию и известив ее о готовящемся ограблении? В чем тут логика?

– Понятия не имею, Давид Эдуардович. Но вряд ли опытный оперативник из Ведомства допустил бы столь досадный просчет. Вот почему отныне нам нужно держать ухо востро и трижды перепроверять всех, кто пытается выйти с нами на контакт. Даже тех, кого мы отлично знаем и уже не раз подвергали проверке.

– Проверки, перепроверки и прочая конспирация, Мангуст, не по моей части, и я не обязан во всем этом разбираться. Для такой работы у нас есть специально обученные люди, включая тебя. Я же вам могу сказать только одно: раз Трюфель представляет для нас угрозу, значит, найдите его и убейте. И не забудьте удостовериться в том, что он гарантированно умер и больше не воскреснет.

– Именно так я и намерен поступить и сделаю все, чтобы избавиться от Трюфеля как можно скорее. Однако насчет гарантии... Боюсь, в случае с обратным говорить о ней попросту бессмысленно. Даже отрежь я Трюфелю голову и насади ее на шест, не факт, что это окажется именно та голова, за которой мы охотились...

Глава 1

В июне 2058-го...

Над Сосновым Бором накрапывал дождь, холодный и мелкий. Сеющие морось тяжелые тучи прорывались через Барьер нескончаемой свинцовой лавиной. Она не рассеивалась в гигантской гравитационной аномалии, а, похоже, становилась под ее воздействием плотнее и опускалась еще ниже. Влага стекала с растрескавшихся каменных глыб, ржавых остовов подбитой и уже не интересующей Узел техники, с покореженных столбов ЛЭП и гнутых стеблей автонов, после чего скапливалась во впадинах, испещряющих дно старого карьера. Не знаю я, что сейчас начало июня, мог бы запросто подумать, будто проспал в нашей питерской «берлоге» все лето и половину осени и, наконец-то пробудившись, выбрался оттуда лишь в октябре.

Но до осени было еще далеко. И этому факту стоило порадоваться, потому что в октябрь-ноябре здесь станет намного отвратительнее. К дождю и ветру добавится мокрый снег и слякоть, а лужи разольются такие, что их уже не перейдешь вброд, не перепрыгнешь с разбега. Я и до Катастрофы не любил промозглый, мокрый Питер. А сегодня, когда его западная половина и ее окрестности лежали в руинах, где вдобавок творилась всякая чертовщина, этот город давным-давно не вызывал у меня симпатии. И если бы не служба, вряд ли нашлась бы иная причина, заставившая нас сунуться на север Пятизонья.

Тропа, по которой должен был прибыть из-за Барьера нужный нам человек, пролежала через старый каменный карьер. Катастрофа наградила его, и без того издолбленного взрывами и отбойными молотками, а также изрытого экскаваторами, еще одним шрамом. Самым крупным и уродливым из всех: длинным извилистым разломом. Который по сей день продолжал расширяться, отчего напоминал уже не овраг, а небольшой каньон. Он врезался в северный карьерный склон и, петляя, тянулся к мутной стене Барьера. А затем, пронзив его трехкилометровую аномальную толщу, уходил дальше, в глубь армейского периметра, и заканчивался уже за его пределами. Поэтому немудрено, что рвущиеся в Зону сталкеры давно приметили этот разлом и стали использовать его в своих целях.

Протопанная по его дну тропа считалась, если можно так выразиться, полулегальной. Следопыты из группировки Питерцев – лучших местных проводников – ею практически не пользовались, поскольку за ней наблюдали военные патрули. Но и нехоженой эта дорога не была. По ней проникали в Пятизонье сталкеры, у кого хватало средств на то, чтобы подкупить патруль чистильщиков и достичь внешней стороны Барьера под их охраной. Таким образом денежные бродяги исключали для себя досадную возможность быть схваченными еще на подходе к Зоне. И заодно делали благое дело: подкармливали нечистых на руку солдат и офицеров, давая им шанс подзаработать, от чего те, разумеется, редко отказывались.

Человек, которого мы ждали, мог пересечь Барьер законным путем – по армейским документам, через КПП любого из блокпостов. Но я, блюдя секретность, не хотел, чтобы данные об этой известной в определенных кругах персоне были занесены в компьютеры Барьерной армии. Уровень их системной безопасности оставлял желать лучшего, и противники, с которыми я сегодня воевал, могли отслеживать всех официально прибывающих в Зону. Вдобавок сами чистильщики без зазрения совести порой сливали налево эту информацию. Мне ли не знать, ведь я сам частенько у них ее и воровал, и покупал.

Патрульные питерского периметра, которых подкупило Ведомство и которые подрядились проводить нашего человека до Барьера, полагали, что он – богатый и независимый исследователь. Один из тех заядлых экстремалов, идущих по стопам легендарного сталкера Мерлина, в надежде снискать себе хотя бы толику его всемирной славы. Чистильщики давно привыкли к подобным типам, что рвутся в эти заповедные места со всех концов Земли, и вряд ли станут задавать очередному клиенту лишние вопросы.

Полосу повышенной гравитации ему предстояло пересекать самостоятельно, при помощи усиленного сервоприводами титанового экзоскелета. Но путешествовать в одиночку по Зоне этому псевдосталкеру уже не придется. Я этого не допущу. Слишком ценной фигурой был направленный ко мне Ведомством специалист-электронщик, чтобы позволить ему разгуливать без экскурсовода среди механоидов и здешних отморозков.

Встречать гостя мы отправились неполной командой, которую я целиком заменил по ряду причин еще в марте: я и два моих оперативника – Вектор и Астат. Четвертый наш товарищ, Гаер, ошивался это время в Выгребной Слободе и собирал информацию об интересующем меня Объекте, что проходил в моих отчетах под кодовым именем Дровосек. Его мы планировали взять в оборот сразу, как только доукомплектуем группу пятым членом – экспертом по электронной разведке. Или, говоря проще – крутым хакером, в коих Ведомство отродясь не испытывало недостатка.

Прежде всю «офисную» работу в нашей команде выполнял я. Но после того, как начатая мной год назад операция «Завещание Дядюшки» набрала обороты, мы ощутили острую нехватку технических средств. Нам срочно потребовалось более мощное и современное оборудование. И в придачу к нему ас-оператор, способный виртуозно с ним управляться.

Электронщик должен был пересечь Барьер около полудня. Мы явились в карьер раньше – с рассветом, дабы хорошенько осмотреться и заблаговременно выявить все источники потенциальной угрозы.

Обустроив себе замаскированные позиции на склонах, мы рассредоточились так, чтобы видеть не только выход из разлома, но и подступы к карьере. Опасаться приходилось лишь окрестных биомехов, что могли забрести сюда в любую минуту. Столкнуться же здесь со сталкерами вероятность была невелика. Мало кто из них осмелится пойти этой дорогой, ведь по ту сторону Барьера им не миновать встречи с патрулем. Нашего человека могли остановить лишь покидающие Зону чистильщики, но с ними в случае чего я договорюсь. Ведь неспроста же я нацепил на себя в это утро внешность и поддельные доспехи лейтенанта Охапкина – проводника Барьерной армии, в данный момент сидящего под арестом по подозрению в переводе через периметр сталкеров-нелегалов.

Личина и голос Охапкина могли помочь мне отделаться от случайно встреченных нами армейцев. Но люди, пожаловавшие на карьер за полтора часа до полудня, к ним не относились. Хуже того, они считались злостными врагами чистильщиков – так называемыми праведниками, членами радикальной воинствующей секты Пламенный Крест. Ею руководил безумный пророк-фанатик по кличке Дьякон. Он и его последователи были некогда изгнаны из Соснового Бора, но после прошлогодней Технореволюции опять сюда вернулись. Это означало, что мои военные доспехи и шеврон не только не отгонят этих пришельцев, но и спровоцируют между нами конфликт, вздумай я показаться им на глаза.

Вектор первым заметил парней в черных доспехах с намалеванными на них оранжевыми крестами в виде языков пламени.

– У нас гости, Синий, – доложил он мне по коммуникатору со своей позиции. Я засел среди валунов ниже и потому никого пока не замечал. – Пять богомольцев с запада. Двигаются прямо сюда. Через две-три минуты выйдут на край ямы...

Вообще-то, меня зовут не Синий, а Трюфель. Именно такое прозвище придумал мне три месяца назад один мой враг, речь о коем пойдет позже. Несмотря на свою комичность, прозвище это пришлось мне по вкусу, и я сменил на него свой прежний псевдоним, который, говоря начистоту, мне никогда не нравился. Вторая причина, по какой я это сделал, была чисто практическая. Моя новая оперативная кличка постоянно напоминала о том, кто меня ею наградил. И помогала таким образом оставаться в готовности ко встрече с врагом. А иначе нельзя. Когда тебе угрожает противник, какого не удержат ни одни стены в мире и какой спо-

собен настичь тебя в любом уголке Пятизонья, расслабиться и забыть об этом равносильно самоубийству.

– Понял тебя, Черный, – отозвался я. Поскольку в моем напичканном наномодификаторами теле импланты не приживаются, приходилось общаться с командой не по Мю-фону, а по обычному коммуникатору. Он, конечно, устарел, но все равно был надежен и безотказен, так же, как любое другое оборудование Ведомства. – Сможешь устранить помехи, если они не сменят курс?

– Только когда они выйдут на склон. И под музыку.

Последнее означало, что Вектору не обойтись без огневой поддержки. Этот матерый сорокалетний ликвидатор, переведенный ко мне из Ведомственного спецотдела «Мизантроп», мог с полукилометра прикончить пятерых противников еще до того, как они опомнятся и выстрелят в ответ. Но, оценив наметанным глазом направляющихся к карьере праведников, Вектор не счел их легкой добычей. И усомнился, что у него получится разобраться с ними в одиночку, даже когда они подойдут поближе.

Астат помалкивал. Он скрывался на западном склоне – практически на пути у сектантов, – и ему предстояло увидеть врагов последнему. Поможет он нам с их расстрелом или нет, будет видно. Одно плохо: ему не удастся вести огонь по приближающимся сзади целям, не рассекретив себя.

Миновали отмеченные Вектором три минуты. Однако когда праведникам следовало уже быть на вершине склона, наш дозорный снова вышел со мной на связь и сообщил:

– Богомольцы рассеялись, залегли и подползают к краю ямы. Явно хотят проверить, пустая она или нет.

– Ясно, – подтвердил я и приказал: – Всем замерзнуть!

Напоминать им об этом было, в общем-то, излишне. Астат тоже слышал Вектора и без подсказок перешел в режим полной невидимости. Пока враг дотошно изучал местность, мы прекратили радиопереговоры, активировали встроенные в комбезы специальные «глушилки», которые вмиг обесточили все наши электронные устройства, а затем замерли без движения. Снайперские накидки, под которыми мы затаились, были покрыты слоем наноботов-хамелеонов и делали нас неотличимыми от разбросанных по склонам каменных глыб. Вдобавок адаптивный камуфляж экранировал тепло наших тел, не позволяя врагу засечь нас инфракрасными сканерами.

Конечно, даже превосходная маскировка была не идеальна. Начни праведники методично проверять каждый квадратный метр карьерных склонов, наверняка кто-нибудь из нас оказался бы в конце концов рассекречен. Но среди помешанных на религии головорезов Пламенного Креста встречалось мало бывших военных. А тем более военных, прошедших хорошую боевую школу. Да и особым терпением вечно взвинченные, легковозбудимые фанатики отродясь не отличались. Так что они не станут тщательно прочесывать местность и заглядывать под все камни подряд. Разве только сектанты не искали какой-либо ценный артефакт – вот тогда они и впрямь начнут ворочать тут валуны и рыть землю руками.

Что за нелегкая занесла на этот непопулярный пустырь приспешников Дьякона? Пока их банда, улегшись вдоль края карьерной ямы, разведывала обстановку, у меня было время поразмыслить о том, случайна ли наша встреча. Я не верил в случайности. В моей практике подобная вера была сродни беспечному легкомыслию. В любой ситуации, какую обычный человек счел бы случайной, я всегда и везде видел прежде всего уловку противника. Или же результат допущенной мною ошибки, которая привела к тому, что я перестал контролировать ход игры.

Подобная паранойя – профессиональная шпионская болезнь, каждодневно разрушающая у нас уйму нервных клеток. Однако тот наш брат, кто не подцепил эту заразу в молодости, зачастую не доживал не только до старости, но и до средних лет. Паранойя убивала наши нервы и награждала целым букетом побочных фобий. Но она же спасала наши жизни, позволяя все

время быть начеку и не попадать впросак. Лишь непреходящее чувство страха оберегало нас от провалов и последующих жестоких пыток на вражеских допросах...

(Разумеется, появление праведников на безлюдном карьере именно в этот день и час имеет к нам непосредственное отношение. Иначе и быть не может. Они пришли сюда явно целенаправленно. И ведут себя так, будто знают, что наткнутся здесь на других сталкеров; для обнаружения биомехов, которые не таятся от людей, сектантам хватило бы и безлого осмотра местности. И что из всего этого следует, если я принципиально отвергаю все случайные факторы?)

Пламенный Крест люто ненавидит военных, это правда. Но что мешает продажным чистильщикам вести бизнес даже со своими фактическими врагами? Подкупленные патрульные отработывают свой гонорар и доводят клиента до внешней стороны Барьера. Соваться в область повышенной гравитации им запрещено, и у них, в отличие от армейских проводников, отсутствует необходимое оборудование. Вступив в Пятизоне, их бывший клиент оказывается предоставленным самому себе, что не мешает тем же патрульным заработать на нем сверх гонорара премию. А именно: слить в Зону информацию о денежном сталкере тому, кого она заинтересует. Даже если этот «кто-то» – сам Дьякон. Почему бы и нет – деньги не пахнут. Ну а для Дьякона, переживающего не лучшие времена, любой богатырский турист – потенциальный заложник, чья оставшаяся за Барьером родня отвалит за него Пламенному Кресту солидный выкуп. Или, говоря языком сектантов, внесет пожертвование на богоугодное дело – борьбу со скрывающимся в Зоне Антихристом, коего праведники по сей день не теряют надежды изловить и казнить.)

Что ж, ситуация ясная: нашего компьютерного гения подждал еще один комитет по встрече, о котором он не подозревал. А сектанты, в свою очередь, не подозревали о нашем «комитете», что, безусловно, играло нам на руку. Мы убедились в том, что не раскрыты, когда вскоре их отряд прекратил наблюдение и стал спускаться по склону на дно карьера. Естественно, праведники не поступили бы так, зная, что вокруг засели снайперы противника.

И все же устранить конкурентов без шума и пыли у нас не получится. Они не слишком доверяли результатам своей разведки и перемещались вниз с оглядкой: разбившись на две группы, короткими перебежками от камня к камню. Пока одна группа двигалась, другая в этот момент ее прикрывала. Открой мы по ним огонь, в лучшем случае успеем ухлопать одного-двух ублюдков. После чего прочие вмиг закрепятся за валунами и завяжут с нами позиционную перестрелку: долгую, бессмысленную и уже не дающую нам никаких преимуществ.

Достигнув дна карьера, праведники рассредоточились по нему, подтвердив тем самым мою догадку: они действительно готовили ловушку «гостю», который должен был вскорости выйти из разлома. Позиции для засады пятерка головорезов выбрала с ходу и практически безупречно. Им было явно не впервой охотиться в этом карьере на людей, а значит, их бизнес с продажными чистильщиками поставлен на поток. Я допустил промашку, порекомендовав Ведомству связаться именно с этими коррупционерами в погонах, но что сделано, то сделано. Никто не предполагал, что они ведут двойную игру, и теперь ничего не попишешь. Наш электронщик уже в пути, и связаться с ним, когда он борется с утроенной гравитацией, у меня не было никакой возможности.

Сектанты сосредоточились на поимке заложника и теперь следили за склонами не так пристально, как делали это сверху. Я снова активировал связь и провел оперативную переключку. Вектор контролировал двух противников, Астат – одного, но это был тот же праведник, которого видел в свой прицел Вектор. У меня на линии огня вообще отсутствовали четкие цели – с моей позиции были видны лишь три торчащих из-за камней вражеских ботинка, два наплечника и одна верхушка шлема. Возможно, мои остроглазые соратники извлекли бы из этого «ассорти» какую-либо пользу, но моих снайперских талантов для эффективной стрельбы по мелким объектам было явно недостаточно.

Итог переклички не обнадеживал. Я отдал бы приказ открыть огонь, срежь мы первыми выстрелами хотя бы четырех ублюдков из пяти. Два потенциальных трупа меня категорически не устраивали. Мысленно чертыхнувшись, я велел Вектору и Астату оставаться на связи и докладывать, как только враги откроются получше. Сам же я глянул на часы – без пяти одиннадцать, – и снова призадумался...

(«Извлекай выгоду из любой ситуации, даже откровенно безнадежной, – учили меня в свое время Ведомственные инструкторы по тактике. – Используй свой проигрышный расклад как стартовую комбинацию для следующей партии. Мысли позитивно! Если ты стрелял и промахнулся, твой враг все равно напуган и тоже может допустить ошибку. Если ты зажат в угол, радуйся тому, что на тебя не нападут сзади. Если ты потерпел поражение, но выжил, скажи спасибо противнику за урок и пополни свой арсенал его приемами...»

Проблема, какой осложнилась переброска моего агента через Барьер, еще не критическая. Но сейчас мы находимся, так сказать, в точке бифуркации, когда одно неверное действие может поколебать это зыбкое тактическое равновесие и привести нас к проигрышу. Поэтому будет разумнее пока позволить событиям идти своим чередом. Предотвращение этих событий доставит нам гораздо больше хлопот, чем вмешательство в их ход после того, как произойдет похищение. Звучит парадоксально, но тем не менее я готов положиться на интуицию и отвечать за свое решение. Впрочем, как всегда, ведь за все, что мы творим в Зоне, в первую очередь спрашивают с меня, а уже потом с остальных...)

– Пускай богомольцы сначала проглотят вино и просвиру, – довел я до товарищей план наших дальнейших действий, – а потом я сделаю так, что вы окропите их святой водой всех разом. Просто дождитесь моего выхода на кафедру и действуйте.

– Разумно. Не возражаю, – лаконично оценил Вектор мою стратегию. Он, так же как я, мог предугадать ход мысли праведников. Захватив заложника безо всякого сопротивления, сектанты решат, что им повезло и что их клиента на самом деле никто не встречал. А даже если встречал, то, судя по всему, этот человек был один. И он, испугавшись за жизнь товарища (а также за собственную), не рискнул отбивать его у отряда праведников и от греха подальше ретировался. Подобные выводы обрадуют похитителей и притупят их бдительность, чем мы не преминем воспользоваться.

– Понял тебя, – также согласился со мной Астат. – Открою кропильницу по команде Черного.

– Хорошо, – подытожил я и известил команду о своих дальнейших действиях: – Внимание! Синий покидает церковь! Вернусь обратно через главные ворота, когда начнется причастие.

– Удачи, Синий! – напутствовал меня Вектор от лица обоих стрелков, и на том наши очередные переговоры прекратились.

Зная график смены патрулей и примерное время, за которое наш человек пересечет Барьер, я предполагал, что до его появления остается минут сорок-пятьдесят. За этот срок мне требовалось выбраться из карьера, обогнуть его по восточному краю, потом пройти вдоль разлома до границы гравитационной аномалии и спуститься в него после того, как электронщик снимет экзоскелет и отправится в глубь Зоны.

Самым сложным было начало обходного маневра. Склон пришлось преодолевать где ползком, а где на четвереньках, двигаясь вверх и стараясь не соваться на открытые участки. Спешить и суетиться особо не стоило. Когда я вылезу из ямы, сектанты уже не смогут меня засечь, и я, встав на ноги, перейду на бег. И если на моем пути больше не возникнет препятствий, я прибуду на место вовремя...

Благо хоть здесь обошлось без эксцессов и незапланированных встреч. Я выполз наверх, обогнул карьер и бежал параллельно каньону, пока не ощутил первые признаки гравитацион-

ного возмущения: шум в ушах, давление в висках, учащенное сердцебиение, а также тяжесть в животе и конечностях.

Углубляться в Барьерную аномалию не было смысла. Я возвратился на полсотни шагов назад, дабы ослабить неприятные ощущения, и, пригнувшись, направился к краю разлома, от которого все это время держался подальше. А достигнув кромки, лег на землю – так же, как вели себя сектанты, когда осматривали карьер, прежде чем в него спуститься.

Я пропустил момент, когда электронщик выбрался из области повышенной гравитации на нормальный участок местности. Незаметно подобравшись к краю склона, я застал нашего человека уже прибывшим и устало сидящим на валуне. Рядом с ним стояли снятый экзоскелет и шагающий грузовой бот. Последний тащил на своей спине-площадке десятка полтора разновеликих контейнеров с оборудованием и пережил путешествие через Барьер без проблем. Хозяин же кибернетического носильщика, даже проделав весь этот путь в разгрузочном устройстве, выглядел измотанным и, жадно хватая ртом воздух, пытался отдышаться.

Я еще не получил досье на нового члена нашей команды, но на вид ему было лет двадцать пять. Ему предстояло стать самым молодым из нас, но не его возраст стал причиной глухого раздражения, что охватило меня при виде этого типа. С первого взгляда стало понятно, кого именно нам прислали. Парень был подтянут, хоть и низкоросл, но он не принадлежал к полевым агентам. Это выдавала и его чересчур расслабленная поза, и неудачное место, какое он выбрал для отдыха, и привычки, от которых любой уважающий себя оперативник избавляется еще в учебке.

За минуту, что я за ним следил, он дважды поменял позу, и всякий раз до меня доносились неподобающе шумное шарканье его ног. А когда коротышка, перед тем как встать, громко прокашлялся и смачно харкнул, я окончательно удостоверился в своей догадке: вместо тренированного для работы в поле спеца Стратег направил ко мне обычного штабного аналитика. Который, возможно, и прошел накануне подготовку, но явно по ускоренному курсу и без сдачи итоговых экзаменов.

Некогда было гадать, с чего вдруг Ведомство решило подложить мне свинью. Я выясню это, если наш самоуверенный слизняк переживет встречу с головорезами Пламенного Креста. Ну а не переживет, невелика потеря. Здесь таким «тепличным» кадрам не место, и Стратег прекрасно об этом знал. Знал и все равно послал сюда человека, который, небось, даже в городском парке умудрится свернуть себе шею, не говоря уж о Пятизоне. Так что пусть командование не обессудит, когда получит от меня очередной отчет с приложенным к нему некрологом.

Черт знает, когда новоприбывший собирался настраивать свой коммуникатор и выходить со мной на связь. Видимо, сразу, как только оклемается, уймет дрожь в руках и приведет в порядок мысли. В иной ситуации я не возражал бы против такой неспешности, но здесь она была откровенно неуместной. Я рассчитывал, что прежде чем электронщик наткнется на сектантов, я успею ввести его в курс дела и дать ему несколько инструкций. Теперь, похоже, бедолаге придется обойтись без них.

Спускаться в разлом раньше времени было нельзя. Если похитители неожиданно снимутся с позиций и выдвинутся навстречу парню, меня пристрелят еще до того, как я открою рот, ведь по имеющимся у Пламенного Креста данным ему следовало явиться сюда одному, без сопровождающего. Чтобы спасти заложника, мне нужно показаться на глаза праведникам в строго определенный момент. Тогда, когда они начнут радоваться удачной охоте, не раньше.

В том, что она удался, я не сомневался. За все это время коротышка даже не подумал снять со спины и взять в руки пистолет-пулемет «Шторм». Экая безалаберность, особенно когда понятия не имеешь, что выпрыгнет на тебя из-за ближайшего камня! Ну ничего, сейчас ребята с оранжевыми крестами преподадут разгильдяю урок на всю оставшуюся жизнь, не важно, сколько он еще протянет: годы, несколько недель или считанные минуты...

Сложив экзоскелет в транспортабельное положение, электронщик взвалил его на спину бота поверх прочего груза. И, отдышавшись, побрел к выходу из каньона, едва переставляя негнущиеся от усталости ноги. Об оружии он так и не вспомнил. Киберносильщик топтал за хозяином, подобно безропотному навьюченному ослику. Поклажа, которую он вез, на несколько порядков превосходила стоимость самого бота. Поэтому сектантов ожидал сегодня не обычный, а двойной улов. А то и тройной, когда они узнают красную цену Ведомственного оборудования.

Впрочем, я не собирался предоставлять им такую возможность. Позволив парню скрыться за поворотом, я скатился по крутому склону на дно разлома и осторожно двинул следом за ним. Лишь бы коротышку не угораздило разыгрывать из себя героя! Сейчас мне его отвага была даром не нужна, поскольку это могло похерить весь мой план. Конечно, в таком случае я изменю свое мнение об электронщике к лучшему, только кого обрадует объявленная ему посмертная благодарность?

Грозные окрики и шум донеслись до меня, когда мне оставалось миновать последний поворот перед выходом из разлома. Сквозь шквал угроз и приказов замереть на месте пробивался сбивчивый, оправдывающийся голос. А ну-ка, что этот олух там лопочет? Ага, слышу: пытается назвать пароль, который он должен был предъявить мне сразу, как только установит со мной связь:

– Там чудеса, там леший бродит!.. Эй, парни, в чем дело?! Я же вам говорю: там чудеса, там леший бродит! Какого хрена, эй!.. Я – свой! Что, блин, непонятно? Четко ведь выражаюсь: там чудеса, там леший бродит!.. Это что, опять какая-то проверка?.. Ладно-ладно, как скажете: все, я заткнулся!..

Кто бы сомневался, что цитирование заложником Пушкина не произвело на похитителей нужного эффекта! Наверняка они сочли, будто у парня с перепугу поехала крыша, вот он и взялся нести околесицу. Но даже сообразив праведники, что это пароль, им не удалось бы выдать себя за нас, поскольку они не знали отзыв. И вряд ли сумели бы его так легко угадать.

Я-то правильный ответ знал, но пока не имел возможности его озвучить. Полностью же наш опознавательный код звучал так:

Пароль: «Там чудеса, там леший бродит...»

Отзыв: «...И гений, парадоксов друг!»

Что за конспиративных дел гений придумывает у нас в штабе весь этот бред, я не подозревал. Но на сей раз он вложил в уста Ведомственного посланника точное «приветствие». Все верно: есть в Пятизонье и чудеса, и даже Леший – под таким прозвищем бедокурит в этих краях один известный вольный бродяга. Не заткни пленник благоразумно рот, возможно, они решили бы, что схватили приятеля этого самого Лешего. Хотя вряд ли это облегчило бы участь коротышки. Насколько я был в курсе, Дьякон ненавидел всех легендарных сталкеров, полагая, что именно среди них и затесался коварный Антихрист.

Я терпеливо выждал еще три минуты. Не из-за робости, а опять-таки следуя психологическому расчету. Сектантам требовалось время, чтобы запугать заложника, поставить его на колени, убедиться, что никто не пришел ему на подмогу, и только потом они покинут свои укрытия. Пока наш человек находится на прицеле пяти автоматов, Вектор и Астат не откроют огонь. Моя задача: полностью переключить внимание противника на меня. Сделать это несложно. Главное, чтобы при этом в моем теле не появилось десятка три лишних и вредных для здоровья дырок. Дабы не превратиться в дуршлаг, мне придется пустить в ход все свое дипломатическое обаяние, хотя грубая и малоприятная внешность лейтенанта Охапкина не слишком к этому располагала.

Я вышел к головорезам Пламенного Креста, тоже убрав оружие за спину и подняв пустые руки вверх. Шел медленно и известил врагов о своем появлении еще до того, как фанатики меня обнаружили. Все пятеро топтались вокруг добычи, никто не отсиживался за камнями.

Это радовало. Трое занимались обыском заложника и осмотром трофейного груза. Двое стояли в стороне с автоматами на изготовку, чтобы прострелить пленнику ногу, если он вдруг вырвется и пустится наутек. Эти же двое не забывали поглядывать и по сторонам – мало ли что?

– Привет, парни! Бог в помощь! – прокричал им издали этот самый «мало ли что», то бишь я, со всем присущим мне дружелюбием. – Ради Христа, не стреляйте! Я к вам от Ермолаева! Майора Ермолаева – он сказал, вы поймете, кто меня послал... Слава тебе, Господи, успел вас застать! Как жизнь? Как сами? Все путем?

Бражеские автоматы были дружно вскинуты, и их зловещие дула уставились на меня, будто пристальные, немигающие глаза дознавателей из нашего Особого отдела. Однако выстрелов не последовало, и я мог бы облегченно утереть со лба пот, но воздержался от этого. Не хотелось нервировать сектантов лишним движением руки, тем паче что потеть мне оставалось совсем недолго...

В психологическом плане фанатики Пламенного Креста не отличались от тех религиозных фанатиков, с которыми мне доводилось сотрудничать по долгу службы в Африке и на Ближнем Востоке. Мой опыт общения с этой озлобленной, примитивно мыслящей публикой помог быстро установить контакт и со здешними «божьиими воинами». Нет, конечно, я не втерся к ним в доверие и вообще не вызвал к себе ни малейшей симпатии. Все, что я сделал, – это удержал их пальцы от нажатия на спусковые сенсоры автоматов. В чем, кроме моего дружелюбного тона, была заслуга трижды помянутого мной, свято почитаемого сектантами Господа и дважды – известного им человека. Вернее, я лишь предполагал, что известного, но в итоге попал в яблочко. Это было написано у них на лицах. Они действительно знали майора Ермолаева – командира патруля, продающего своих клиентов Дьякону. И то, что гонец майора пришел не откуда-нибудь, а со стороны Барьера, лишний раз подтверждало правоту моих слов.

– Извините, что опоздал, – продолжал говорить я, медленно приближаясь к праведникам и не опуская рук. – Бог свидетель, спешил как мог! Ермолаев хочет предупредить вас насчет нашего обычного канала связи. Есть одна проблема, ребята, – этот канал стал ненадежен...

Сектанты прислушивались ко мне с нарастающим интересом. Еще несколько секунд, и у них пройдет волнение, вызванное моим внезапным появлением. После чего они вспомнят о пленнике, и кто-нибудь из них снова возьмет его на прицел. Но пока что все пять автоматов противника глядят на меня, а сам он пытается постичь смысл моей речи...

Удачнее момента для атаки не придумать. И если Вектор его проморгает, клянусь, я завтра же подам Стратегу рапорт, чтобы он отправил утратившего чутье аса в досрочную отставку!

Ну же, чего ты мешкаешь, Черный? Пора! Давай, продемонстрируй мне еще раз свое смертоносное мастерство!..

...Вектор не зря носил свой оперативный псевдоним. Трудно вообразить, как вообще может характеризовать человека его прозвище в виде скупого математического термина. Оказалось, что может, причем довольно точно. Как идеолог операции и командир группы, я изучил подноготную всех своих подчиненных, пришедших на смену моей прежней команде два месяца назад. Досье оперативника-интродера спецотдела «Мизантроп» Вектора оказалось наиболее интересным из всех. Уж на что я от природы не впечатлительный, при чтении этого любопытного документа мне пришлось не однажды удивленно вскидывать брови, хмыкать и бормотать под нос: «Ну надо же! Кто бы мог подумать?»

Даже если в послужной список Вектора включены не все эпизоды его Ведомственной карьеры (в моем досье, к примеру, не упоминается о двух особо секретных операциях), тех его заслуг, которые там фигурировали, вполне хватало, чтобы составить исчерпывающее мнение об этом уникальном человеке.

Краем уха я слышал о том, что в спецотделе «Мизантроп» все полевые сотрудники очень долго стремились побить неофициальный рекорд – преодолеть так называемую «Планку Кальтера». Меня такие подробности обычно не интересуют, поскольку лезть в дела других под-

разделений Ведомства означает вызвать к себе ненужные подозрения службы внутренней безопасности. И все же при очном знакомстве с Вектором я мимоходом выяснил, что он – первый, кому неприступная «Планка Кальтера» наконец-то покорилась. И вот уже два года, как вполне заслуженно она переименована в «Планку Вектора». А дабы понять, в чем феноменальна его заслуга, стоит уточнить, что прежний рекордсмен «Мизантропа», тот самый Кальтер, установил свое достижение – попросу внимания! – аж в 2011 году! То есть за семь лет до рождения следующего победителя! После чего целых сорок пять лет этот рекорд оставался недостижимым!.. Ну и в довершение замечу, что Вектор стал чемпионом своего спецотдела в тридцать восемь лет. Кальтер же для успешного преодоления этой высоты «разбежался» на пять лет дольше.

Что ни говори, тут есть чем восхититься.

Я спросил у Вектора, что такого особенного ему пришлось совершить, чтобы войти в историю «Мизантропа». Оказалось, ничего сверхъестественного. Для побития почти полувекового рекорда Кальтера его преемнику следовало выполнить хотя бы на одну успешную операцию больше. Что Вектору в конце концов и удалось. Хотя, кто знает, как все сложилось бы, не пропади предыдущий рекордсмен в 2012 году без вести при выполнении очередного боевого задания. Вполне вероятно, что, дослужись Кальтер до почетной отставки, и «Планка» по сию пору носила бы его имя.

Я не в курсе, чем объяснялась исключительность Кальтера, позволившая ему в свое время стать лучшим из лучших. Зато о природе талантов Вектора мне кое-что известно. Не прельсти его в юности армейская служба и не попади он в итоге в Ведомство, возможно, из этого парня получился бы гениальный математик, инженер или архитектор. Как отмечали исследовавшие его личность специалисты, Вектор обладал совершенно уникальным мировосприятием. Или, иначе говоря, он видел мир в других, более простых образах, нежели обычные люди. Видел и оперировал этими образами посредством понятных лишь ему одному, ускоренных мыслительных алгоритмов. Благодаря чему мог прогнозировать развитие происходящих вокруг него событий чуть ли не на лету. После чего выбирал нужный момент, вмешивался в них и менял их ход в свою пользу. При этом Вектор представлял собой нормального в прочих отношениях человека, без свойственных подобным уникамам отклонений и бзиков. По крайней мере, в общении с ним я ничего подобного не замечал.

Имелся у Вектора и недостаток. Довольно существенный, но в целом терпимый. Обладая феноменально быстрым и точным оперативным мышлением, он не умел мыслить масштабно и производить стратегические расчеты далеко наперед. Ему поручали решить конкретную боевую задачу, и он разделялся с ней, как лиса с цыпленком. Но предугадать и предотвратить проблемы до того, как те нагрянут, Вектор был не в состоянии. Образно говоря, он мог поймать упавший стакан за миг до того, как тот разобьется, а вот предвидеть, что стоящий на краю стола стакан может упасть, Вектору не удавалось. Это делало его просто идеальным исполнителем, но он постоянно нуждался в человеке, который направлял бы его инициативу в нужное русло.

Имеется версия, что особый склад мышления этого человека обусловлен более сложными, чем у обычных людей, и нетипичными нейронными связями в его головном мозге. Благодаря им голова Вектора работала, словно многоядерный процессор, который разбивает сложную задачу на более простые составные части. За счет чего и решает ее одновременно в несколько параллельных потоков, ускоряя тем самым поиск правильного ответа.

Однако, как опять же любой процессор, этот уникальный мозг мог лишь обрабатывать поступающую в него информацию и делать на ее основе выводы. Когда же она туда не поступала, сей мощнейший инструментальный попросту бездействовал. И тогда Вектор превращался в не слишком приятного типа, раздражающего своим пассивным поведением такого энергичного деятеля, как я. Сколько я ни давал ему шанс высказать свое мнение, он не подбросил мне ни одной идеи и не выработал ни одного тактического сценария. Его безынициативность при обсуждении наших планов выводила меня из себя, пусть я при этом и не показывал виду.

Зато, когда мои идеи начинали претворяться в жизнь, тут-то Вектор и проявлял себя во всем своем великолепии. Это был неподражаемый импровизатор-виртуоз, настоящий Лобачевский, Лейбниц и Ландау в вопросах диверсий и разведки. Он не просто воевал, убивал, устраивал взрывы и добывал информацию о противнике. Вектор видел задачу и затем, не сходя с места, начинал с огромной скоростью моделировать у себя в уме пространственно-геометрические схемы, вычислять интегралы, чертить графики траекторий и решать уравнения со множеством неизвестных. После чего он вводил самого себя в сформулированную им боевую теорему в качестве ключевого элемента и доказывал ее на практике. Трудно даже представить, что творилось при этом у него в голове. Одно могу сказать: моя голова вмиг лопнула бы от такой непосильной работы, даром что именно меня назначили мозгом нашей операции, и я командовал Вектором, а не он – мной.

Наиболее значительным, на мой взгляд, достижением Вектора за всю его служебную карьеру был побег из секретной британской тюрьмы для шпионов «Hotbed-2». Она располагалась в пригороде Гримсби, и Вектор попал туда в результате ошибки, допущенной его тогдашним командованием. Сам он рассказывал о своем бегстве как о чем-то обыденном, но это он просто скромничал, причем излишне. Тюрьмы для шпионов тем и славятся, что сбежать оттуда на порядок труднее, нежели из обычных тюрем строгого режима. «Hotbed-2» не являлась в этом плане исключением из правил. Она не обладала столь же мрачной репутацией, как знаменитая американская «Devil's Ass», но у Ведомства отсутствовали данные, чтобы до сего момента кто-либо вырвался из ее казематов. А тем более с такой лихостью, с какой проделал свой трюк наш герой.

Напоминаю: он не мог придумать план побега, даже простенький, поскольку природа обделила его способностью строить планы на будущее. Вся подготовка Вектора к бегству свелась к тому, что он впитывал как губка увиденную и услышанную им в «Hotbed-2» информацию. Любую, даже самую незначительную, вплоть до шорохов, долетавших снаружи к нему в камеру. Впитывал и на ее основе сооружал у себя в голове подробный пространственно-геометрический макет тюрьмы – закрытой математической системы, функционирующей по сложному алгоритму. Мало-помалу в «многоядерном» мозгу Вектора писалось и одновременно решалось грандиозное уравнение со множеством переменных и неизвестных. Жизнь «Hotbed-2» текла для этого узника в двух измерениях: реальном и виртуальном. И он всеми силами стремился, чтобы между двумя частями его уравнения в итоге появился знак равенства.

И вот однажды, спустя полгода со дня пленения Вектора, настал час, когда накопленная им информация разлеглась у него в голове по полочкам так, как надо. Он достиг просветления: вывел наконец-то верную формулу, позволявшую ему составить целостное представление о системе, внутри которой он волею судьбы очутился. И теперь Вектору предстояло вынести себя за скобки этого уравнения, превратившись из незначительно малой погрешности в ключевой его член.

Не прошло и суток, как доселе смирный и покладистый заключенный «Hotbed-2» буквально за пару минут поставил ее на уши. Все арестанты, коих в связи со спецификой тюрьмы в ней содержалось немного, сидели в одиночных изоляторах, между собой никак не общались, а за пределами камер перемещались только под конвоем. И вот во время очередного похода в душевую Вектору удалось усыпить бдительность конвоира и свернуть ему шею. Затем бунтарь переоделся в форму охранника, сломал с помощью его дубинки стенную панель, добрался до проводки и, устроив короткое замыкание, вырубил на этаже свет. И одновременно с этим включил пожарную сигнализацию, воспламенив полотенце взятой у погибшего зажигалкой.

Выверенный до секунды расчет дальнейших действий Вектора никто другой кроме него произвести, пожалуй, не смог бы. А проделать и подавно. Ко второму дежурившему на этаже охраннику прибыло тревожное подкрепление – трое его вооруженных электрошокерами коллег из резервной группы (поскольку массовые бунты в «Hotbed-2» исключены в принципе,

дежурная смена ее охраны не превышала двадцати человек). Сигнализация сработала в душевой, поэтому туда все они и поспешили. Доносящиеся оттуда крики они слышали еще на подходе, а, вбежав в душевую, увидели в тусклом свете аварийной лампы двух яростно борющихся человек: голого заключенного и охранника. Причем первый уже почти одолел второго, навалившись на него, приперев лопатками к полу и дотянувшись руками ему до горла.

Бить бунтаря электричеством было нельзя – от этого пострадала бы и его жертва. Поэтому все четверо дружно налетели на арестанта, дабы оттащить его в сторону и уже потом ошарашить шоком и сковать наручниками. Однако, когда охранники обнаружили, что «заключенный» вдруг как-то странно обмяк и прекратил борьбу, было поздно. Их спасенный «собрат» уже вскочил на ноги и решительно атаковал своих спасителей.

Оглушив дубинкой ближайших противников, которые все еще удерживали раздетый Вектором труп своего коллеги, бунтарь вырвал у них шокеры и сразу же пустил их в ход. Тела троих пораженных электричеством охранников попадали вповалку поверх мертвеца. И лишь один из них – тот, что дежурил на этаже, – отделался легкими побоями и был взят заключенным в заложники...

Вектор знал, кого из своих жертв можно пустить в расход, а кто ему еще пригодится. К этому часу он вообще знал много такого, о чем ему было не положено знать. Потому что он, как никто другой, умел смотреть по сторонам и запоминать все, что влетало в его уши. В том числе обрывки разговоров, какие вели между собой сотрудники тюрьмы. Тогда они даже не предполагали, что подробности их личной жизни, какими они порой друг с другом делились, коротая смену, будут однажды использованы против них.

Вектор давно понял, что здешние конвоиры не любят таращиться на подопечных, когда те принимают душ, и наблюдают за ними в это время вполглаза. Знал, кто из сотрудников курит и носит с собой зажигалку. Замечал на стенах следы недавнего ремонта проводки и предполагал, где она проложена. Вычислил и запомнил график дежурств охраны. Разузнал, что зарплаты у сотрудников здесь хорошие, поэтому директор тюрьмы, полковник Редгрейв, перевел сюда по благу нескольких своих родственников-военнослужащих. Вектор выяснил, кого именно, и стал приглядываться и прислушиваться к этим людям повнимательнее...

Он не умел заниматься долгосрочным планированием. Зато он быстро и точно оценивал текущую обстановку и импровизировал на основе известных ему фактов, что называется, со скоростью звука.

Захваченный Вектором охранник являлся любимым зятем единственной дочери Редгрейва, а также молодым отцом родившегося у того месяц назад внука. Вернувшись с заложником на пульт, бунтарь заставил его связаться с директором, после чего прямо перед видеокамерой хладнокровно выдавил пальцами у его зятя оба глаза. И сказал, что ему терять нечего и что он выдерет парню кадык, если через минуту директор не распорядится убрать охрану с постов и не откроет беспрепятственный выход наружу. А дикие вопли ослепленного заложника и заливающая ему лицо кровь являлись красноречивым намеком на то, чтобы полковник прислушался к требованиям и поторапливался.

Сработало. Директор был настолько обескуражен тем, что его примерный заключенный вдруг превратился в свирепого зверя и угрожает сделать его дочь вдовой, а внука – сиротой, что уже через тридцать секунд принял решение подчиниться. При этом он выдвинул встречное предложение: пускай Вектор позволит пострадавшему отправиться в больницу, а вместо него возьмет в заложники самого полковника. Само собой, почтенный сэр Редгрейв являлся более надежным живым щитом, нежели рядовой охранник, и прагматичный бунтарь согласился. А спустя еще две минуты оба они находились за территорией тюрьмы и удирали на машине прочь, пусть и с сидящей на хвосте погоней...

Впрочем, она Вектора мало волновала. Водить преследователей за нос оперативника-интродера обучали корифеи военной разведки, да и сам он, в принципе, тоже мог быть

сегодня причислен к таковым. Не прошло и получаса, как он вырвался на свободу, а Скотленд-Ярд и Ми-6 уже сбились с его следа. Заложника, разумеется, пришлось оставить в живых. Сугубо из практических соображений. Что ни говори, а за шпионом и убийцей полковника Редгрейва британская полиция и контрразведка охотились бы гораздо одержимее, чем просто за беглым шпионом...

...Но вернемся к нашим баранам. Или, вернее, сектантам Пламенного Креста, под прицелом чьих автоматов я сейчас находился.

Далее тереть им по ушам о якобы ненадежной связи с Ермолаевым не имело смысла. И я прервал свой блеф на полуслове, хотя на лицах праведников было написано единодушное желание дослушать мою речь до конца. Однако у трех из них оно моментально переросло в испуг, когда головы двух их собратьев вдруг оторвались с плеч вместе со шлемами. И, разбрызгивая кровь, отлетели одна вперед, а другая – под ноги моим доверчивым слушателям. Сила, обезглавившая сектантов, толкнула их тела в тех же направлениях, и они, выронив автоматы, грохнулись наземь там, где стояли.

Что ж, Вектор и Астат меня не подвели. Теперь самое время позаботиться о моей драгоценной персоне, спасти которую от смерти – мой священный долг перед Ведомством и самим собой.

Едва мои стрелки открыли свой сегодняшний боевой счет, как я нырком бросился вбок и, упав на землю, перекатился за ближайший валун. Я удирал подальше от места, где стоял коленопреклоненный заложник. Это спасло его от шальных выстрелов, когда кто-то из сектантов выпустил мне вслед автоматную очередь; к счастью, она была не прицельной и потому прошла мимо.

Противники расчухали, что тут творится, лишь после того, как их количество сократилось еще на одного. И сей же миг бросились врассыпную, стреляя вслепую по склонам, откуда им грозила гибель.

Я удрал с открытого пространства, но терять врага из виду было нельзя. Выглянув из-за укрытия, я определил, что третьего праведника угрохал Вектор; они с напарником вели кинжальный огонь, и по тому, как падали мертвые тела, можно было вычислить траектории убивших их пуль. Астат запоздал со вторым выстрелом всего на полсекунды, но за это время выбранная им «помеха» успела сорваться с места и избежать мгновенной смерти. Правда, пуля снайпера все равно не прошла мимо и вскользь зацепила сектанту наплечник доспехов. Отчего того развернуло на бегу спиной вперед, и он, потеряв равновесие, грохнулся навзничь, не сделав и трех шагов.

Продолжить бегство Астат ему, само собой, не позволил. И исправил свою оплошность, пригвоздив споткнувшегося врага к земле третьей пулей, не успев тот даже приподняться. А между тем последний похититель не придумал ничего лучше, как метнуться под защиту нагруженного контейнерами бота, вынудив тем самым Вектора повременить с очередным выстрелом. Заложник в этот момент уже не стоял на коленях, а распластался ниц, закрыв голову руками. Вел он себя не слишком разумно – справа от него лежала куча щебня, за которую он мог бы откатиться, – но хоть не торчал истуканом под пулями, и то ладно.

В отличие от него, не желающий умирать праведник ухитрился занять лучшее из всех доступных ему поблизости укрытий. Для Вектора он был полностью недосыгаем. Астат, похоже, видел цель, но лишь частично. Два его следующих выстрела опять окончились промахом – видимо, он тоже опасался задеть груз и не мог прицелиться точнее. Мне в этом плане повезло больше всех. Припавший к контейнерам ублюдок был у меня на виду, и я мог запросто в него попасть. Одно плохо: выпущенные мной пули или отскочат рикошетом от доспехов фанатика, или при удачном попадании пробьют его насквозь, но тоже в итоге застрянут в ящиках. Возможно, они ничего там и не повредят. Но я был не вправе так рисковать, не испробовав последний способ устранить угрозу без ущерба для оборудования.

Вступать в переговоры с сектантом, пообещав ему пощаду, резона нет. Он живо смекнет, почему мы прекратили стрелять. А потом, если у него хватит мозгов, перехватит управление ботом и удерет отсюда, прикрываясь им, как самоходным щитом. Я не стал проверять, способен враг на это или нет. Пока он, взбудораженный внезапной атакой, пытался суматошно определить, сколько нас и где мы прячемся, я вскинул автомат и, нацелив его в землю у самых ног праведника, дал короткую очередь.

Взрытая пулями глина брызнула ему в лицо мокрыми комьями и произвела именно тот эффект, на какой я уповал. Перепуганный сектант при всем желании не усидел бы на месте, когда в шаге от него по грязи зашлепали пули. Инстинкт самосохранения подсказал ему, куда отпрыгнуть – туда, где по нему еще не стреляли. То есть влево. Аккурат в сектор обстрела Вектора, который покамест не истратил на этого противника ни одного патрона...

А больше одного ему тратить и не понадобилось. Выгнанный мной из-за бота сектант тут же взялся осыпать меня автоматными очередями вперемешку с проклятьями. Последние беспокоили меня не больше засохших прошлогодних мух. Насчет первых я бы уже так не сказал. Мне пришлось опять юркнуть за валун, поскольку расстояние между мной и врагом было невелико. И даже паля наугад, он мог запросто произвести удачный выстрел.

Однако стрельба быстро смолкла и больше не возобновилась. И когда я высунулся из-за камня, моему взору предстал распластавшийся в грязи, бьющийся в конвульсиях фанатик с наполовину перерубленной шеей. Перерубленной грубо – так ее могли повредить или коготь механоида, или крупнокалиберная пуля. Какая из этих двух напастей убила сектанта, гадать не пришлось. Впрочем, для последнего из пяти погибших сегодня от наших рук приспешников Дьякона это уже не имело решительно никакого значения...

Глава 2

– Это самое, э-э-э... как там оно?.. У лукоморья дуб зеленый!.. Черт, не так! И днем и ночью кот ученый!.. Блин, опять не в тему! Да как же правильно-то? Я помню чудное мгновение... О, Господи, что за ересь я несусь? Это ведь вообще из другой оперы! Да чтоб вас! Э-э-э... Нет-нет, не вас, парни, не поймите меня неправильно! Сейчас, погодите, я все вспомню! Обещаю, клянусь!..

Смотреть на потуги спасенного нами заложника было и смешно, и жалко. Когда опасность миновала, я велел Астату сидеть наверху и следить, не привлекла ли наша пальба каких-нибудь любопытных сталкеров или биомехов, а сам покинул убежище и уже без опаски направился ко все еще валяющемуся на земле электронщику. Вектор также оставил позицию и спустился к нам на случай, если кому-то из нас потребуется его помощь. Мне она точно не требовалась. Нашему новому товарищу вроде бы тоже. Разве только мы могли помочь освежить ему память, но где это видано, чтобы один шпион подсказывал другому пароль, который тот должен был предъявить ему при конспиративной встрече?

И хоть никакой конспирацией здесь теперь не пахло, а я уже убедился, что коротышка пароль знает – или, вернее, знал, пока не забыл его с перепугу, – я не спешил признаваться ему, что мы – те самые парни, каких он разыскивает. Пускай еще чуток потерзается сомнениями и подрожит. Страх – прекрасный учитель и хорошее лекарство от излишней самоуверенности. Правда, лишь в том случае, если страх не убивает того, кого ему нужно научить и вылечить.

Не придумав ничего лучше, электронщик взялся просто-напросто читать нам вслух известную каждому школьнику первую песнь «Руслана и Людмилы». Это сдвинуло его забуксованную память с мертвой точки, благо нужные ему строки находились совсем недалеко от начала поэмы.

– ... Там чудеса, там леший бродит! – продекламировал он дрожащим голосом, после чего ненадолго задумался, поймал верную мысль, и, кивнув, победоносно резюмировал: – Ага! Вот оно! Уверен на все сто!.. Эй, только не говорите мне, что вы тоже не понимаете, о чем я толкую!

– Прекрасно понимаем, – заговорил я, прекратив отмалчиваться. – И очень хотели бы знать, дорогой ты наш *гений, парадоксов друг*, за какие такие грехи нам тебя навязали? Разве мы в чем-то провинились? Так скажи, в чем именно, мы прямо тут, не сходя с места, покаемся и с чистой совестью спровадим тебя обратно.

– Обратно?

– Ну да! Пока ты еще способен уйти отсюда сам, на своих двоих, а не в запаянном пластиковом контейнере. И хорошо, если в одном большом контейнере, потому что обычно таких, как ты, вывозят отсюда по частям в маленьких ящичках.

– Что-то я не врубаюсь, к чему вы клоните, – нахмурился коротышка, отряхиваясь от прилипших к его комбезу ошметков мокрой грязи. – Вы попросили подкрепление – я к вам прибыл. И другого подкрепления, насколько я знаю, не пришлют. Так в чем проблема?

– В тебе! – буркнул Вектор, сверля его ледяным, пронизывающим до костей взором. – Ты теперь наша проблема. Одна большая, и, похоже, неразрешимая проблема. Поэтому ты нам не нравишься. В особенности мне.

– Ну извините, коли так вышло! – развел руками электронщик. – Только я-то здесь при чем? Ваши дали мне приказ – я пошел, а куда деваться? Все, что от меня потребуется, сказали, узнаю на месте. Прихожу, а здесь такое дерьмо творится!..

– «Ваши»? – переспросил я, ухватившись за эту любопытную его оговорку. – Что значит – «ваши»? Если «ваши» – это «наши», то кто же тогда «твои»? Что ты вообще за фрукт и откуда нарисовался?

– Да нет, все в порядке, я просто неправильно выразился, – поспешил оправдаться коротышка. – «Ваши» – это с непривычки, ведь я у вас совсем недавно работаю. Не влился еще толком в вашу большую дружную семью с ее славными, многовековыми традициями. Да и когда мне было в нее вливаться? В последние полгода я что ни день, то какой-нибудь хренотенью занимался, которая у вас, видимо, считается проверкой на вшивость. А до настоящей работы меня, можно сказать, пока и не допускали... Да расслабьтесь вы, парни! Сами видели: меня тут какие-то отморозки едва на фарш не пустили, аж до сих пор всего трясет! А теперь еще вы наезжаете, как каток на черепаху!

– Вон оно что! – дошло наконец до меня. – Так ты, выходит, из *мамлюков*!

– Да, так это у вас называется – «мамлюк», – признал он с явной неохотой. – Дурацкое название. Терпеть не могу это слово, но что поделаешь – не я ваши порядки устанавливал...

Мамлюками у нас окрестили сотрудников, которые, наподобие средневековых турецких рабов-воинов, по аналогии с коими их и называли, были забриты в наши ряды не по своей воле. Или, правильнее сказать так: это были добровольцы, но припертые к стенке проблемами с Законом и потому вынужденные согласиться работать на Ведомство в качестве более приятной альтернативы тюремному сроку. Так, по крайней мере, им казалось, когда они заключали эту договоренность.

Само собой, что шанс избежать тюрьмы предоставлялся далеко не каждому преступнику, а лишь тем, кто обладал какими-либо выдающимися талантами, а также был сговорчив и покладист. С одной стороны, мы поступали гуманно и делали общественно полезное дело: использовали их умения во благо родины. Обратной стороной этой медали являлось то, что, приобщившись к Ведомственным тайнам, мамлюки не могли вернуться к нормальной гражданской жизни, какая была бы им доступна после простой отсидки. Никто бы, конечно, не стал убивать их по истечении срока договора. В нынешние времена информационной открытости такие грязные и скандальные методы уже не практикуются. Но у Ведомства имелось множество других бескровных способов заставить человека продолжать сотрудничество с ним, как бы ни стремился тот обрести свободу...

– И как давно ты в мамлюки записался? – спросил я.

– Девять месяцев назад, – ответил электронщик. – После того, как три месяца в СИЗО отсидел и адвокат сказал мне, что по совокупности статей у меня такой срок наклеивается, что на волю я выйду только через четверть века. И то, если повезет, потому что «наверху» уже почти принято решение экстрадировать меня в Штаты. А там мне и вовсе сразу несколько пожизненных сроков реально светит. И все потому, что у нас с Америкой были тогда на носу какие-то важные переговоры, вот меня и хотели ей преподнести в качестве подарка. Сдать, одним словом, со всеми потрохами ни за хрен собачий! И когда я уже вконец отчаялся, вызывают меня, значит, на конфиденциальную встречу с вашим человеком. Хочешь, говорит он мне, остаток своей жизни принимать душ, не боясь, что при этом тебя всякий раз будут загибать раком и насиловать? Хочешь снова работать в сфере сетевых технологий, от которых тебя грозят отлучить на всю жизнь? Хочешь заниматься тем, чем ты прежде занимался, без опаски, что теперь тебя арестуют и отправят в колонию? Если хочешь, тогда держи договор, подпиши его здесь и здесь и продолжай оставаться человеком, а не бесправным, униженным животным... Прямо так и сказал, слово в слово. Еще бы я этого не хотел! Тут же, не выходя из комнаты, все бумаги и подписал. А через сутки был уже не в СИЗО, а в вашей учебке – той, что где-то за Уралом, в тайге находится. Такая вот печаль, в общем.

– В чем тебя обвиняли? – поинтересовался Вектор.

– Во многом. И за дело, честно говоря. – Мамлюк тяжело вздохнул и еще больше сник. – Глупо сегодня это отрицать. Что заслужил, то заслужил. Многие после Катастрофы занимались тем же, чем я. Но не у многих хватало дерзости работать с таким размахом. На экономической чехарде, что творилась тогда в стране и в мире, только ленивый бабло не стриг. Сколько я за

последние шесть лет распотрошил всяких финансовых контор – и государственных, и частных, и наших, и зарубежных – теперь не счесть. А если законники на хвост садились, я сразу следы заметал – запускал программу прикрытия «ХИППИ». Она – моя гордость, мое фирменное ноу-хау, опередившее нынешние сетевые технологии лет этак на десять! Расшифровывается просто: «Хаос И Паника Пишут Историю». Вообще-то я обычно аккуратно работал и ничего нарочно не уничтожал. Но когда допускал ошибку и засвечивался, тут же обрушивал всю сеть, в которой наследил. Крепко так обрушивал, до самого основания. А бывало, доставалось и всей сетевой инфраструктуре, к которой я присасывался. Так в 2055 году в Америке случилось, когда я ее Министерство Транспорта разорил на очень кругленькую сумму. Ну и при этом малость облажался, после чего по привычке активировал «ХИППИ». Однако на сей раз все обернулось хуже, чем обычно. Гораздо хуже... Два авиалайнера разбились при посадке, три пассажирских и пять грузовых поездов сошли с рельсов, плюс ко всему три десятка серьезных аварий на автотранспорте и сотни, если не тысячи мелких... Еще в дюжине обесточенных метро разразилась паника с давкой и жертвами. Двое суток страну лихорадило, пока полностью не восстановили движение. В итоге – более трех тысяч погибших, около десяти тысяч раненых и ущерб на хрен знает сколько миллиардов долларов... В общем, попал я, и попал конкретно. Кражи со взломом в крупных размерах и сетевой вандализм мне еще могли спустить с рук. Терроризм и массовые убийства, ясен пень, уже нет... Даже удивительно, как после этого я еще полтора года на свободе прогулял...

Ну и дела! Вот так офисная крыса!.. Я покосился на Вектора. В его досье сказано, что за восемнадцать лет службы он совершил без малого полторы тысячи убийств. Включая в этот список не только непосредственных врагов государства и их приспешников, но и неизбежных при их устранении случайных жертв. Этот коротышка, которого Вектор мог при необходимости за полсекунды прикончить голыми руками, всего за двое суток угробил и покалечил столько народу, сколько не губил за свою карьеру ни один Ведомственный ликвидатор. Причем наш «слизняк» сделал это, не вставая со стула, с клавиатуры своего компа!

Не скажу, что после всего вышеуслышанного я проникся к мамлюку уважением, вовсе нет! Все-таки он был виновен пусть в непредумышленном, но массовом и ничем не оправданном убийстве мирных граждан. В Ведомстве тоже служат далеко не ангелы, но это не наши методы. Террор, какой мы порой учиняем противникам, всегда точечный, избирательный и, если можно так выразиться, воспитательный. Мы показываем врагам нашей страны, а также их укрывателям и покровителям, что идеи и принципы, каким они служат, – палка о двух концах, и что их кровь имеет такой же цвет и текучесть, как наша... И тем не менее, поведенная коротышкой история дала понять, что он гораздо ближе к нам по духу, нежели казалось на первый взгляд. Несмотря на небоевой вид этого парня, ему доводилось убивать и сеять зло. Он признавал это и в то же время не воспринимал свои фатальные ошибки как повод лезть в петлю. Хорошая черта характера. Надо полагать, мы сработаемся. Потому что под моим командованием он свои грехи явно не искупит, а наверняка еще и приумножит.

– Я помню тот американский транспортный кризис, – заметил я. – Однако не припоминаю, чтобы в нем каким-либо образом фигурировал российский хакер.

– Штатовские федералы нарочно засекретили эту информацию. Чтобы я думал, будто они подозревают кого-то другого, и не залег с перепугу на дно там, где им будет меня вовек не сыскать, – пояснил мамлюк. – Признаться, отчасти я на это купился и, выждав с годик, вновь взялся за старое. И вскоре попался в давно поставленный на меня капкан. Хорошо, что попался в России, потому что сунься я опять сдуру в Америку, там бы со мной по-другому разговаривали.

– Ну что ж, с тобой все ясно, – смягчил я наконец свой суровый командирский нрав. Чего нельзя было сказать о Векторе, по-прежнему глядящем на электронщика так, будто он являлся не нашим союзником, а недобитым врагом. Одним из тех, чьи трупы лежали сейчас

вокруг нас. – Ладно, хорош трепаться, время дорого... Кстати, ты забыл представиться. Так как прикажешь нам тебя называть?

– Помпей.

– Помпей? Ты уверен?

– Да... А что не так?

– Забудь про Помпея! – решительно отринул я эту его идею. – Даже я не дорос до такого крутого имени, а, значит, тебе его подавно не носить. По крайней мере, у меня в команде. Окрестим тебя для начала, ну, скажем... А, ладно, позже что-нибудь придумаю. Пока же будешь временно откликаться на Мамлюка. Понял, Мамлюк?

– Да, понял.

– Вот и здорово! А теперь слушай мой первый приказ: пока мы прячем трупы, освободи на своем носильщике немного места. Столько, чтобы туда поместилась пара комплектов брони. Это возможно?

– Запросто! Найдем место, не проблема! – с готовностью откликнулся коротышка, довольный тем, что его зачислили в группу, пусть и без оперативного псевдонима, и поспешил к своему боту...

– ...Я так понимаю, ты решил крутить шашни с Дровосеком в шкуре богомольца? – догадался Вектор, переворачивая очередной избавленный нами от доспехов труп, дабы я мог сфотографировать его со всех сторон.

– Эти парни, сами того не желая, упростили нам задачу, – ответил я. – Разыграть карту рыцаря было бы, конечно, практичнее, тем более что мы неплохо обкатали эту схему. Но есть в ней одно откровенно слабое звено, которое может нас подвести: двухступенчатая структура их организации. Чтобы встретиться с Дровосеком лично, я должен сначала получить визу у рыцарского Приора, что само по себе достаточно хлопотно. А он не даст мне ее без одобрения главы Ордена. И если по какой-то причине тот не выпишет нам санкцию, мы можем остаться ни с чем, даже будь согласие Приора у нас уже в кармане. С богомольцами в данном случае все проще. Секта – организация маленькая и простая, и ее глава сведет нас с Дровосеком напрямую, без посредников. Осталось лишь найти к Дьякону верный подход. И теперь он у меня имеется. Равно как сектантские доспехи, которыми нас щедро одарила фортуна.

– Что щедро – это факт, – согласился «мизантроп». – Даже есть из чего выбирать. Устраивать охоту на богомольцев специально ради доспехов было бы той еще морочкой. А у нас и без нее дел невпроворот...

Наша главная секретная точка в Питере – «Ариозо» – располагалась так близко от бункера знаменитого торговца Федора Тимофеевича «Упыря», что мы могли бы при желании прокопать к нему подземный ход. Собственно говоря, такой ход был уже нами прорыт. Правда, диаметр его составлял всего миллиметр, и пользоваться им мог лишь наш миниатюрный бот-шпион «Симфила». Он же и прогрыз себе путь в убежище горбатого барыги, чтобы наблюдать и за ним, и за его клиентами, в которых тот не испытывал недостатка.

Засечь моего электронного соглядатая Упырь не мог. Во-первых, «Симфила» не показывалась у него в бункере сама, а, прячась в толще бетонной стены, высовывала наружу видеозонд длиной полсантиметра и толщиной всего пять микрон. А во-вторых, она не распознавалась ни одним даже самым высокочувствительным сканером, поскольку искусно маскировалась под безобидный сор вроде обрывка проволоки или металлической стружки. Которые никто не станет нарочно вырезать из бетона, дабы удостовериться, что за дрянь попала в него полвека назад при строительстве бункера.

Держать Федора Тимофеевича под неусыпным надзором было крайне полезно, поскольку к нему так или иначе сходились все местные бродяжки тропки. Благодаря этому неофициальному источнику информации я заметно пополнил собранную мной в Зоне базу данных. Впрочем, речь сейчас пойдет не об Упыре, а о новом члене нашей группы, которого мы доставили

на «Ариозо» после того, как отбили его у праведников вместе со всем его высокотехнологичным скарбом.

Маскировать входы на наши секретные точки под видом аномальных ловушек придумал еще мой предшественник – комбинатор, коему не повезло погибнуть во время прошлогодней Технореволюции. Плохо, что наша «мимикрия» не могла обмануть сталкерские детекторы аномалий. Нас выручало то, что настоящие ловушки часто меняли свои свойства и сами не всегда распознавались при помощи приборов. Вот почему сталкерам не хотелось идти проверять, что представляет собой растекшаяся над входом в «Ариозо» большая зеленая клякса: аномалию, разлитое здесь неведомое кем токсичное вещество или голографический муляж, под которым скрывается тайный люк.

Отключив маскировку и открыв его, мы приказали боту спускаться вниз по колодцу. Носильщик безропотно трансформировался в некое подобие лифта и, перераспределив груз, через две минуты скрылся под землей. Мы последовали за ним, не забыв, разумеется, перед этим запереть за собой вход и снова спрятать его под фальшивую аномалию.

Внутри бункера было попросторнее, чем на остальных наших питерских точках – примерно как в пустом гараже для грузового автомобиля. Описывать здешнее убранство я не буду. Скажу лишь, что на «Ариозо» имелось все необходимое, чтобы мы могли просидеть тут пару недель, не выбираясь на поверхность, и наблюдать с помощью разбросанных по локации разведзондов за обстановкой в Сосновом Бору. Ну и, как я уже говорил, – шпионить за Упырем, без которого нам вряд ли удалось бы составить полноценную картину местной сталкерской жизни.

– И много у вас в Пятизоне таких убежищ? – полюбопытствовал Мамлюк после того, как осмотрелся, заострив внимание на установленном в бункере оборудовании. Судя по кислой мине, что появилась при этом на лице у коротышки, наша штатная техника ему откровенно не понравилась.

– Три точки здесь, также по три в Чернобыле, Новосибирске и Крыму, и две – в Москве, – ответил я и уточнил: – Прежде в Москве тоже было три точки, но одну из них два месяца назад рассекретили, и нам пришлось ее бросить.

– А какой сетевой протокол вы используете для поддержания связи между базами? – вновь осведомился наш дотошный эксперт.

– Какая связь, о чем ты? – удивился я. – Это же Пятизона, не забыл? Энергетические аномалии и гиперпространственные тамбуры дают такие наводки на электронику, как будто мы находимся не на Земле, а на Меркурии, вблизи от Солнца. Относительно устойчивая связь возможна лишь между точками одной локации. Связь же между локациями искажена жуткими помехами, и говорить о ней всерьез, как о связи, просто смешно. Предоставили бы нам в распоряжение передатчики типа армейской системы «Актиния», тогда, конечно, все было бы тип-топ. Вот только наша операция слишком секретна и не обладает тем стратегическим размахом, чтобы для ее поддержки Ведомство развернуло вокруг Барьеров целую сеть мощнейших передающих станций.

– А почему в таком случае вы не вклинитесь в саму «Актинию» и не воспользуетесь ее мощностями? – не унимался Мамлюк. – Насколько я понимаю, уровень вашей подготовки должен это позволять.

– Ты правильно понимаешь, – похвалил я догадливого новичка. – Я давно взломал эту закрытую штабную сеть чистильщиков. Однако если я начну пользоваться ею регулярно изо дня в день, меня довольно скоро вычислят. Поэтому я подключаюсь к «Актинии» как можно реже: лишь для передачи отчетов Стратегу либо для прямых консультаций с ним в особо экстренных случаях.

– А что вы скажете, если я избавлю вас от этих ограничений и настрою вам через «Актинию» постоянную внешнюю сеть между всеми четырнадцатью вашими точками?

– Скажу, что ты выбрал правильный способ, чтобы произвести впечатление на босса, – честно признался я. – Но каким образом ты намерен обойти защиту «Актинии» на таком высоком уровне?

– Перекодирую ваш сигнал по более сложному алгоритму, раздроблю его на совсем мелкие составные части и пропущу через «поддувало».

– Через что?

– «Поддувало». Это специальная программа-буфер, в которой будет накапливаться предназначенная для отправки информация. Но передавать ее нам предстоит не отдельными пакетами, а мизерными порциями, и не самостоятельно, а лишь вместе с информацией чистильщиков. Образно говоря, наши ничтожно мелкие файлы-прилипалы станут цепляться к файлам-китам хозяина сети и незаметно плавать туда, куда нужно, под китовым брюхом. Правда, скорость работы нашей сети-паразита окажется небольшой, и данные из других локаций будут приходить к нам с задержкой. И все же согласитесь: медленная, но устойчивая связь так или иначе лучше, чем вообще никакая, верно?

Я был слегка обескуражен тем, как быстро этот тип нашел решение нашей главной на сегодня технической проблемы, даже не притронувшись к клавиатуре. Хотя удивляться тут в общем-то нечему. Я же сам выпросил у Стратега матерого эксперта по связи. И потому немудрено, что Мамлюк взялся прямо с порога тыкать меня носом в незнание мною тонкостей этой сложнейшей науки.

– Сколько понадобится времени на то, чтобы открыть это твое... «поддувало»? – спросил я.

– Часа полтора-два, – пожал плечами коротышка. – Могу заняться этим сразу, как только распакую чемоданы и настрою все нужное оборудование.

– Да-да, займись этим вопросом как можно скорее, – наказал я ему. – И если к вечеру я скачаю данные хотя бы из наших Чернобыльских серверов, обещаю: после ужина ты будешь вознагражден по-настоящему крутым оперативным псевдонимом.

Мамлюк оценил мою шутку вежливой улыбкой, но за работу взялся с похвальным усердием. И трудился в поте лица несколько часов кряду, отвлекаясь лишь на то, чтобы прямо на ходу глотнуть кофейку или сжевать бутерброд. Парню явно не терпелось доказать нам свою исключительную полезность, что сразу же повысило бы его рейтинг в глазах старших и более опытных сослуживцев. Иными словами, коротышка вел себя вполне естественно для новичка, стремящегося заслужить уважение пока что малознакомых ему товарищей по команде.

Развернутая им кипучая деятельность оставила, однако, без работы нас, так как мы не могли пользоваться оборудованием в процессе его апгрейда. Правда, Вектор и Астат быстро нашли себе занятие и, усевшись в дальнем углу бункера, приступили к чистке оружия и обмундирования. Я собрался тоже составить им компанию, но, подумав, решил потратить выпавшую на мою долю передышку более практично. А именно: посвятить неофита в детали нашей операции, пока тот занят рутинной и не обременительной для его мозгов сборкой и отладкой электроники. Разве только вспомогательные видеоматериалы по теме Мамлюку предстояло изучить уже самостоятельно – пока он копался в компьютерах, у меня не было к ним доступа.

– Твоя главная задача, для выполнения которой тебя сюда прислали, в целом проста, – начал я свой вводный инструктаж, – но в то же время именно от тебя будет зависеть успех всего нашего мероприятия. Все, что от тебя потребуется, – это в урочный день и час активировать по моему приказу нужную программу, похожую на те, с какими ты не раз имел дело...

Я едва не сказал «на свободе», но вовремя себя одернул и выразился корректнее:

– ...С какими ты имел дело в прошлой жизни. У тебя будет время подробно ознакомиться с этой программой и, возможно, внести в нее какие-либо усовершенствования. И если в итоге после ее запуска кто-то из здешних плохих парней разорится и пойдет по миру, значит, мы не зря рисковали своими шкурами в этой аномальной дыре.

– Кто эти плохие парни и насколько большую сумму вы намерены с них стясти? – оживился коротышка, распаковывая очередной контейнер с оборудованием.

– Наша цель – группа высокопрофессиональных иностранных агентов, работающих на международную коммерческую организацию Guarantee Of Defense and Support, или G.O.D.S. Официальная сфера деятельности этой компании: поддержание закона и порядка в зонах широкомасштабных стихийных бедствий. Количество которых, ты знаешь, после Катастрофы на планете выросло многократно. Довольно благородное занятие, но только на словах. На деле выходит иначе. Оплату услуг «гарантов» их клиент – пострадавшая от природного катаклизма страна, – как правило, производит с отсрочкой – после того, как выберется из разрухи и хаоса. Оплата принимается в любом приемлемом виде. А поскольку с деньгами у правительств бедствующих стран всегда туго, они с радостью рассчитываются с G.O.D.S. землей, природными ресурсами, акциями ведущих госпредприятий, торговыми и таможенными льготами и прочими подобными вещами. . .

– . . . И «гаранты» сразу обретают в этой стране большое политическое влияние, – догадался коротышка. – Неплохо придумано. И бабла наварить можно, и «левое» бабло отмыть, если понадобится.

– Все верно. Только этим занимается не G.O.D.S. как таковая, а тот, кто в действительности за ней стоит: ЦРУ, – уточнил я. – G.O.D.S. с ее благородными целями для Управления – всего лишь ширма. Тот же самый трюк оно планировало провернуть в Зоне. Уж тут-то ЦРУ было где развернуться, да вот законным путем этот номер у него не прошел. Мы знали о том, кому служат «гаранты», и поделились этим секретом с Украиной и Белоруссией. Им также не захотелось влетать в долги и потом продаваться с потрохами американским спецслужбам, поэтому G.O.D.S. получила от наших стран официальный отказ.

– . . . Но неофициально она сюда все-таки пробралась. Не под своим именем, конечно, а инкогнито.

– Да, и никто из нас не сомневался, что рано или поздно это произойдет. Появление в Пятизонье G.O.D.S. было предсказуемо, и мы готовились встретить ее со всеми подобающими почестями. Сегодня за ней стоят огромные деньги, часть из которых она с удовольствием вложила бы в любой перспективный проект, разрабатываемый под куполами Барьеров. Предвидя это, Ведомство готовилось подsunуть «гарантам» свой заманчивый сверхприбыльный объект для инвестирования. Разумеется, фальшивку – троянского коня, с помощью которого мы планировали получить доступ к банковским счетам G.O.D.S. и основательно их почистить. Все было на мази, но тут вдруг в поле зрения компании нарисовался Давид Талерман со своим Исгором и спутал нам все карты!

– Впервые слышу это имя.

– И немудрено. Его даже в Пятизонье слышали фактически единицы, хотя Талерман, он же Умник, проворачивает здесь такие дела, на какие ни Орден, ни Ковчег отродясь не замахивались. . . Давид Эдуардович Талерман – бывший сотрудник военно-научного центра «Светоч», покинувший его после того, как его идея выращивания гигантских колоний окультуренных металлорастений – искусственных Городищ или Исгоров, – была отвергнута из-за ее дороговизны и рискованности. Однако Умник не отчаялся и решил заняться Исгором сам, без участия военных.

– И какую же прибыль должны были принести ему окультуренные автоны и искусственные Городища?

– Довольно ощутимую, если довести процесс их выращивания до совершенства и получить на это патент. Представь, что любые детали, какие отливаются, вытачиваются или штампуются мировой металлургией, можно будет производить ценой гораздо меньших затрат и усилий, просто выращивая их по технологии Талермана, словно какие-нибудь фрукты. Причем с учетом высокой скорости роста металлорастений их плоды будут способны созреть за счи-

таные минуты. Сразу же отпадет надобность во всяких сталелитейных и металлопрокатных заводах – гигантских, энергоемких, шумных и грязных. Второе перспективное применение данной технологии: быстрое возведение металлических каркасов любого размера и сложности. Это на несколько порядков ускорит строительство и улучшит качество новых зданий, особенно высотных. Как видишь, Умник в своих научных изысканиях далеко не идеалист и преследует вполне конкретную выгоду.

– Но в «Светоче» его гений тем не менее сильно недооценили?

– Тогда Иггор существовал только на бумаге и в голове Талермана, причем выглядел довольно безумной и дорогостоящей затеей. Если бы он потерпел фиаско, «Светоч» разорился бы, так что запрет на этот проект был наложен обоснованно. Впрочем, сегодня Умнику уже есть чем похвастаться. После нескольких неудачных попыток ему удалось возвести в Химках небольшое искусственное Городище на базе заброшенного военного полигона. Недавно я беседовал с тремя сталкерами, которые там побывали. Как им это удалось – долгая история, и я не буду тебя в нее посвящать. Скажу лишь, что один из этих сталкеров – сам Мерлин, – поэтому информация, которую они мне предоставили, наверняка точная. И чертовски полезная. Заполучив ее, мы были вынуждены пересмотреть свои планы насчет Талермана и его изобретения. Так вот, по словам Мерлина, сегодня для питания Химкинского Городища используется имеющийся на полигоне атомный реактор. Однако Давиду недостаточно его энергии, и в течение лета он планирует подключить Иггор к генератору собственного изобретения. Эта штука – Давид зовет ее «Кладезем» – будет обладать просто запредельной мощностью. В ее основе лежит энергия аномалий и артефактов Пятизонья, которую Талерману удалось выделить, аккумулировать и канализировать. Переход на новый источник питания заставит Городище в Химках вымахать до таких размеров, что оно погребет под собой весь север Московской локации. И тогда с Умником уже хочешь не хочешь, придется считаться. А вот как нам с ним быть – бомбить или договариваться, – мы еще не определились. Сначала нужно убедиться, что его заигрывание с неведомой энергией выгорит, а не накроется медным тазом. Разбомбить Иггор просто, но это слишком радикальный, никому не выгодный метод. Гораздо эффективнее перекупить Талермана и заставить его снова работать на нас. Но чтобы сделать это, необходимо прежде дискредитировать его нынешних спонсоров – G.O.D.S. И лучшего способа, чем обобрать их до нитки, в природе не существует. Чем все мы тут сейчас, собственно говоря, и занимаемся.

– А не слишком ли это опасная игра – разорять опекунов Умника? – засомневался Мамлюк. – Ведь если они поймут, что Давид больше не желает с ними сотрудничать, его же попросту пришьют и дело с концом. Типа в духе «так не доставайся же ты никому!».

– Если ты думаешь, что Талерман – некий хрестоматийный, витающий в облаках ученый-романтик, то ты глубоко заблуждаешься. Он вовсе не так безобиден, каким может показаться на словах. И вполне способен защитить себя не только от наемников, но и от целого полка чистильщиков. Скажу больше: сегодня я опасаясь Талермана гораздо сильнее, чем его опекунов-«гарантов». Во-первых, потому что помимо Игора и «Кладезя» он создал целый отряд уникальных боевых ботов. Каждый из них живуч и смертоносен настолько, что может в одиночку растерзать стадо местных биомехов. И все эти твари подчиняются лишь Давиду и больше никому. Во-вторых, в ходе работы над Иггором ему довелось завести дружбу с самым умным монстром Пятизонья – Трояном. Насколько я в курсе, эти двое довольно долго и взаимовыгодно сотрудничали. Так что стоит лишь первому свистнуть, как второй тут же примчится ему на подмогу. И, в-третьих, не так давно Умник обзавелся помощником, которого «Кладезь» наделил способностями, каких нет даже у самых крутых сталкеров, включая Мерлина. Этот человек... хотя вряд ли теперь его можно так назвать, не кто иной, как сам Алмазный Мангуст...

– Про него я кое-что слышал, – припомнил коротышка, продолжая слушать меня и одновременно делать свое дело. – Одна из местных легендарных личностей, которую Зона изуродовала самым извращенным способом: вживила в этого типа большие, с куриное яйцо, алмазы. После чего ему пришлось годами бегать от охотников за сокровищами, так как сам он воспользоваться ими тоже почему-то не мог... Прямо какая-то библейская притча, а не сталкерская байка.

– Да, о нем я и толкую, – подтвердил я. – И он – вовсе не мифический, а вполне реальный герой. Только с недавних пор никакой он не Алмазный, а просто Мангуст. Талерман излечил его от этой болезни и вдобавок научил новому трюку: телепортации в пределах Пятизонья без помощи гиперпространственных тамбуров. Как он это вытворяет, можешь посмотреть в нашем видеоархиве. Мне удалось дважды заснять процесс его телепортации: первый раз, когда он навестил таким образом Упыря – забавный ролик, к слову, – и второй раз, когда он пришел убивать меня на нашу московскую точку «Ларго» и не застал там никого. Ту самую точку, которая была им же и рассекречена.

– То есть вы хотите сказать, что Мангуст вас знает и может в любой момент разыскать вас и убить?! Даже здесь и сейчас?! – Мамлюк оторопел настолько, что отложил отвертку, которой в этот момент что-то прикручивал.

– Здесь – крайне маловероятно, – утешил я опешившего коротышку. – Насколько я понял, Мангуст телепортируется лишь в те места, какие ему известны, а на «Ариозо» он никогда не был и вообще не знает о ее существовании. Да и со мной он знаком лишь поверхностно: незадолго до того, как он присоединился к Талерману, у нас с Мангустом были кое-какие общие дела. А ищет он меня вовсе не из мести – просто пытается выслужиться перед Умником, дабы тот почаще отпускал его к живущей за Барьером семье. Мангусту может повезти со мной лишь в двух случаях: если он прознает, где я буду находиться в тот или иной промежуток времени, или же наткнется на меня чисто случайно. Как видишь, оба варианта дают нам с Мангустом мало шансов столкнуться на узкой дорожке. Особенно с учетом того, что я умею полностью видоизменять свою внешность.

– Странно. – Мамлюк недоуменно наморщил лоб. – Что-то тут не вяжется... Если вы предугадали появление Мангуста на точке «Ларго», то почему не устроили там западню и не убили его, а дали спокойно уйти... в смысле телепортироваться оттуда?

– Несмотря на то, что Мангуст опасен, он в нашей игре фигура приоритетная и потому до поры до времени неприкосновенная, – пояснил я. – Именно через Мангуста и его жену нам удалось выведать реквизиты банков, пользуясь услугами которых G.O.D.S. финансирует проект Умника. Без этой информации разработка нашей операции застопорилась бы. Это во-первых. Во-вторых, у нас есть рычаг давления на нашего «прыгуна» – его семья, чье нынешнее местонахождение нам известно. «Гаранты», конечно, тоже за ней присматривают. Но Мангуст знает о наших возможностях и потому будет нервничать и колебаться, если вдруг однажды мы вступим с ним в открытое противостояние. Ну и, в-третьих, этот человек – правая рука Талермана, которую мы, теоретически, можем выкрутить болевым приемом и тем самым принудить Давида к капитуляции. Надо только надавить на него умело и ни в коем случае не переусердствовать, потому что со сломанной рукой он может стать неадекватным и непредсказуемым. Пока же ему фартит и его Иггор развивается более-менее стабильно, поведение Умника в целом укладывается в наши прогнозы. Как и поведение Мангуста, хотя прогнозировать его действия, а тем более перемещения по Пятизонью намного сложнее. Кроме Игора, я знаю лишь одно место, где он наверняка еще не раз объявится. И оно расположено отсюда буквально в ста шагах. Это – бункер Упыря, которому Мангуст, насколько я понял из их последней беседы, задолжал денег и которому он прежде постоянно сливал добытую им в Зоне информацию. Вот почему Упырь также представляет для нас большую ценность.

– Спасибо, теперь все понятно... И с чего вы планируете начать подбираться к банковским счетам G.O.D.S.?

– С визита к Дьякону. И не намерен это откладывать. Я отправлюсь к нему уже сегодня ночью.

– Что-то я не улавливаю связи между этим религиозным фанатиком и покровителями Талермана. Разве они знакомы или у них есть какие-то общие интересы?

– Нету, насколько я в курсе. Но это не имеет для нас значения. У Дьякона я возьму, фигурально выражаясь, ключ зажигания, который запустит двигатель нашей операции и стронет ее с места. И едва это произойдет, вернуться на исходную точку и начать все сначала будет уже невозможно...

Невозможно вернуться на исходную точку... Девиз, который я непременно выбил бы на своем гербе, будь у меня таковой. Лишь однажды мне посчастливилось исправить допущенную мной фатальную ошибку и начать жизнь заново, но цена, какую я за это заплатил, устроила бы далеко не каждого. Даже удивительно, что она вообще оказалась мне по карману...

Трудно сказать, согласился бы я сегодня добровольно сгореть заживо, но четыре года назад эта идея не выглядела такой уж дикой. Почему? Ну, во-первых, меня намеревались поджарить в исключительно научных целях умнейшие на планете люди, которые, разумеется, не были заинтересованы в моей гибели. А во-вторых, мой жизненный путь на тот момент уперся в глухой, непроходимый тупик, и иного способа выбраться из него, кроме как подвергнув себя экспериментальному самосожжению, я попросту не видел.

У каждого Наполеона и Гарри Каспарова есть свои Ватерлоо и «Deer Blue». Ареной моего судьбоносного поражения стал Габон, где я – оперативный агент Ведомства, – противостоял давно спевшемуся альянсу сразу трех игроков: ЦРУ, египтян из «Мухабарат аль-Харбии» и СОР Иордании. Гражданская война, охватившая Габон в 2054 году, являлась благодатной почвой для того, чтобы пополнить Ведомственные банковские счета, в чем я по долгу службы был большой специалист. И хоть чутье подсказывало мне поумерить амбиции, взять передышку и уступить этот лакомый пирог кому-нибудь из сослуживцев, я не прислушался к собственной интуиции.

А зря.

Несколько побед подряд, одержанных мной до этого в других концах света, вскружили мне голову. Вот я и решил, пока прет масть, занести в свой послужной список еще один плюсовой пункт. Тем более что грубые политические игры Африки с их изначально простыми – практически хрестоматийными – раскладами не требовали от нашего брата-комбинатора особого напряжения ума и сил.

Допущенная мной на сей раз ошибка заключалась в одном: как бы я ни спешил, как бы ни рвался из кожи, мои противники меня опередили. Проведя в нашей игре весьма изящную дебютную комбинацию, они изловчились одним махом настроить против меня всех моих потенциальных союзников. Чем и определили свой дальнейший успех в этой партии. Принорваться к ней и отыграть инициативу я не сумел при всем старании. И в итоге был досадным образом разоблачен, после чего едва унес ноги, бежав с позором из Габона под дружный хохот оперативников трех разведок, а также перекупленных ими моих бывших резидентов.

После столь сокрушительного фиаско и рассекречивания моей личности мне светила лишь работа каким-нибудь инструктором или консультантом в нашем учебном центре. Это в лучшем случае. А в худшем – бесславная и бесперспективная служба до пенсии в Ведомственной бухгалтерии или архиве. Ни то, ни другое меня категорически не устраивало. Особенно беря во внимание то, сколько времени, сил и нервов мне стоило дослужиться до должности комбинатора – командира оперативной группы отдела «Гермес». К тому же этот пост мог стать

плацдармом для продвижения вверх по служебной лестнице – из взмыленной, пропыленной полевой грязи в полноценные, гладко выбритые штабные князи.

Я был и по сей день остаюсь ярим приверженцем заповеди, гласящей, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Ну, или на худой конец – полковником. Но ткните пальцем в любого другого сотрудника Ведомства, и вы с высокой вероятностью попадете в такого же фанатика своего специфического ремесла. Мы живем в нашем закрытом шпионском мире и считаем его единственным реальным миром на этой планете. И он – отнюдь не аллегория, ибо его законы позволяют нам много такого, что под страхом смерти не дозволено обычным людям. Вот почему все обитатели этого мира, включая меня, в той или иной степени поражены синдромом бога. И мы тяжело страдаем, когда повелевающие нами, более могущественные боги лишают нас наших полномочий. Один серьезный провал – и мы низведены до уровня простых смертных, коим навсегда отрезаны все пути в элитарный клуб, на самую вершину Олимпа.

Я потерпел непростительное поражение, прогневал верховных богов и был низвергнут ими на окраину моей вселенной. Где, пребывая в глубокой депрессии, начал влачить жалкое существование, когда мне неожиданно представилась возможность реабилитироваться. Вот только назвать ее удачей язык не поворачивался. За шанс вернуть себе все, что у меня отняли, я должен был пройти через натуральный ад. А затем, если повезет, вернуться оттуда живым и в здравом уме, после чего сразу приступить к долгому обучению по специальному курсу. Его программа являлась экспериментальной и была опробована до меня всего на пяти или шести подобных мне «добровольцах поневоле». В каждом случае ее успех носил переменный характер, и поэтому благополучное начало моей переподготовки отнюдь не гарантировало, что я переживу последующую пару лет в шкуре подопытного кролика.

Меня честно предупредили, что мне уготовано, если вдруг мое возвращение в строй сорвется из-за сбоя научной программы. Мне показали жертву такого сбоя, списанную в запас после полутора лет экспериментов. Это был изуродованный, безвозвратно сошедший с ума, седой инвалид, в коем я едва опознал парня, с которым мы когда-то учились на параллельных курсах Ведомственной учебки. Короче говоря, командование поступило со мной предельно честно: без обиняков дало понять, чем я рискую, подписывая контракт с теми, кто может превратить меня в неизлечимого калеку-идиота. Такого, которому не только файлы в архиве сортировать не дадут, но даже улицу подметать не доверят.

И тем не менее я согласился. Это был, пожалуй, самый смелый мой поступок в жизни, и он, как мне тогда казалось, того стоил. Я горел желанием стать прежним комбинатором и вернуться в настоящую игру по крутым ставкам, а не прозябать на задворках, документируя подвиги более успешных сослуживцев. И если ради этого меня заставляли сыграть в научный аналог русской рулетки, что ж, так тому и быть. В конце концов, разве работа, какой я занимался восемь лет до своего габонского провала, была сахаром и не грозила мне всякий раз скоропостижной смертью или увечьями?..

Мне повезло: я не пополнил собой статистику неудач ученых-экспериментаторов. И стал именно тем, кого они пытались из меня сотворить: одним из первых в мире редупликантов – оборотней, способных менять свой облик одним лишь усилием воли.

Я могу за считанные минуты полностью перестроить собственный организм на клеточном уровне посредством вживленных мне в тело уникальных наномодификаторов. Из-за биотехнологических ограничений я не могу перевоплотиться в женщину, ребенка, дряхлого старца или животное – только в мужчину от восемнадцати до семидесяти лет. Зато я умею менять, помимо собственного роста и комплекции, также тембр голоса и национальность – естественно, тоже в разумных пределах. Именно этому искусству – искусству глобального перевоплощения, – меня и обучали на протяжении двух лет, что были отпущены на мое перерождение и переподготовку.

Я не оговорился: иначе как перерождением произошедшие со мной метаморфозы назвать нельзя. Чтобы перекроить меня, обычного человека, в оборотня-редуликанта, мой организм

пришлось подвергнуть сильнейшему болевому стрессу. Такому, после которого он, балансируя на грани смерти, начал отчаянную борьбу за жизнь – главное условие, при котором клеточные наномодификаторы могли прижиться в моем теле, восстановить поврежденные ткани и вернуть меня с того света. Крайне опасная процедура, потому что в случае неудачи тело попросту отторгло бы их. После чего я скончался бы в страшных муках от усугубленной ожогами обширной интоксикации.

Хвала всемогущей науке и грамотно проведенным подготовительным тестам! Ученая братия не подкачала. И когда я, заполучив по ее приказу обширные ожоги в печи Ведомственного крематория, был помещен в реанимацию, мой многострадальный организм отреагировал так, как от него и требовалось. Он воспринял введенные мне наномодификаторы как спасительную панацею, быстро «породнился» с ними и призвал их на борьбу с моим недугом. Не прошло и суток, а я уже был совершенно здоров, и на моей коже не осталось ни единого следа от ожогов.

Ну разве не замечательно? И впрямь, ради обладания таким полезным даром стоило побывать в шкуре сказочного феникса, пускай я и не ощутил себя после воскрешения сколь-нибудь помолодевшим.

Но радость моя продлилась недолго. Когда ученые начали открывать мне иные грани моего нового таланта, выяснилось, что адская боль от ожогов никуда не ушла. Она всего лишь трансформировалась и затаилась во мне, чтобы оскалить свои клыки сразу, как только я приступлю к тренировкам навыков оборотня. Боль и стала моей расплатой за обретенный дар. Крайне полезный дар в моей работе, к которой я жаждал вернуться, но высасывающий из меня все соки, когда приходило время использовать его на практике.

Только боль, что сопровождала каждое мое перерождение, мешала мне создавать абсолютно точных двойников тех личностей, за которых я себя выдавал. Моего терпения хватало лишь на пять, максимум восемь минут трансформации, после чего я или падал в обморок или сдавался и прекращал самоистязание. Продолжить же дублирование конкретного человека даже после короткой паузы, увы, не удавалось. Пока я концентрировался, пытаюсь возобновить прерванный процесс, незавершенный образ успевал «расплыться», и тогда все приходилось начинать заново. Поэтому, дабы сэкономить время и не подвергать себя лишним мучениям, я доделывал свои специфические художества при помощи обычного театрального грима. Точнее, тех его современных разновидностей на основе био- и нанотехнологий, что ныне облегчают и ускоряют работу гримеров голливудских киностудий.

Со временем я натренировался менять свои личины максимально быстро. Но вот привыкнуть к боли, научившись терпеть ее хотя бы на полминуты дольше, так и не сумел. Всякий раз при подобных метаморфозах клетки моего организма стонали от неестественных нагрузок и, казалось, были готовы вот-вот погибнуть все до единой. И тем не менее каким-то чудом этого не происходило. Надолго ли хватит их выдержки, ученые не имели представления. А может, имели, но не сообщили мне об этом, дабы не отравлять остаток моей жизни знанием сей горькой истины.

С тех пор, как я впервые видоизменил собственное тело до полной неузнаваемости, я утратил все шансы вернуть себе свой настоящий облик. Утратил так, как скульптор утрачивает возможность воссоздать из одной и той же глины одну и ту же статую, которую он по какой-либо причине уничтожил. И даже если мне удастся восстановить свою личность по старым голографическим отпечаткам, это буду уже не прежний я, а моя высококачественная биологическая копия, хоть и наделенная моим разумом.

Впрочем, невелика утрата для агента, который на протяжении полутора десятков лет каждодневно соблюдает строжайшую конспирацию. Довольно скоро я перестал скорбеть по своей оставшейся в прошлом оригинальной личине так же, как лишившийся пальца человек рано или поздно смиряется с этой потерей. Тем паче что в моем случае я все равно приобрел намного больше, нежели потерял.

Через два года после того, как я подписал с учеными контракт и побывал в печи крематория, меня восстановили в прежней должности и допустили к службе. А еще через год, когда я поднаторел в использовании своих новых талантов на практике и окончательно реабилитировался в глазах командования, оно забросило меня в Пятизоне – аномальный регион планеты, с которым, как выяснилось, у Ведомства были связаны далеко идущие планы...

И вот теперь, спустя год кропотливой подготовительной работы под куполами Барьера, я и моя группа наконец-то приступали к настоящему серьезному делу, от успеха которого зависело очень многое. В том числе и наши повышения, крупные денежные премии и прибавки к пенсии. До какой, однако, на нашей службе не так-то легко дожить – подвиг, который удается не каждому полевому оперативнику Ведомства...

...Сукин сын Мамлюк и впрямь сдержал свое слово! К вечеру у нас действительно появилась связь не только с Чернобыльскими, но и со всеми остальными нашими базами Пятизонья. Работающий в Выгребной Слободе Гаер был немало удивлен, когда мы «достучались» до него напрямую из далекого Питера. Это избавило нашего агента от рискованной командировки в Сосновый Бор, дабы доставить на «Ариозо» свежие данные о Дровосеке. Благодаря башковитому электронщику Гаер мог и дальше оставаться в Чернобыле, снабжая нас информацией в режиме онлайн.

– Твоя версия полностью подтвердилась, – доложил Гаер о результате своей трехдневной разведки на Обочине. – Дровосек в розницу не торгует и с незнакомыми клиентами не работает. Даже со знакомыми он ведет бизнес только по собственным правилам. Причем весьма жестким. Главное из них: если я доверял тебе вчера, это еще не значит, что продолжаю доверять сегодня; докажи, что сегодня тебе по-прежнему можно доверять, или проваливай к чертовой матери.

– Серьезный мужик, – заметил я с ухмылкой. – Этим он мне и нравится. Обожаю параноиков – у них со мной так много общего... Что говорят на Обочине по поводу его слабости к искусству? Удалось узнать, к какому именно?

– Ходят слухи, будто бы он тяготеет к живописи и вообще заядлый ее коллекционер. Собрал примерно тридцать или сорок полотен из тех музеев Москвы, какие угодили под Барьер и были разграблены после Катастрофы. Дровосек и сам тогда активно участвовал в грабежах и после не раз сокрушался, что не он первый добрался до Третьяковской галереи с ее филиалами и вытащил оттуда все тамошние «сливки». Поэтому в его коллекции так мало картин из Третьяковки. Да и те, что есть, не самые известные.

– Прекрасно! – оживился я. Если бы Мамлюк не одарил нас глобальной сетью, озвученная Гаером новость стала бы лучшей из всех сегодняшних новостей. Или нет, вру: никак не стала бы, поскольку без помощи Мамлюка она дошла бы до меня не раньше, чем через три дня. – Ты славно поработал, Гаер. Я непременно отмечу это в своем следующем отчете. А теперь у меня есть для тебя новое задание. Несложное, но весьма срочное. У тебя работает нанопринтер?

– Да, здесь он в полном порядке. Это у нас на «Морденте» принтер барахлит и оттенки путает, о чем я тебе уже трижды докладывал. А на «Фугетте» с ним проблем нет...

Широкоформатные нанопринтеры, которые стояли почти на всех наших точках, предназначались для замены и восстановления камуфляжного покрытия маскировочных накидок и комбезов. Напыляемый на них слой наноботов-хамелеонов перекрашивал их в нужный цвет и задавал поверхности необходимую текстуру. Или, говоря незамысловатым армейским языком, шершавость. То есть если в районе, который нам предстояло исползгать на брюхе вдоль и поперек, преобладали песчаники, то покрытие нашего обмундирования имело цвет песка и внешне напоминало грубую наждачную бумагу. А при переходе в боевой режим оно подстраивалось под окружающую среду с еще большей точностью.

Но сейчас нанопринтер был нужен Гаеру для иной работы. Такой, которую вне Зоны сочли бы мошенничеством, займись он ею не для души, а с целью наживы.

– ...Открой нашу общую энциклопедическую базу, – продолжал я вводить Гаера в курс новой задачи, – найди в ней каталог работ Третьяковской галереи и выбери оттуда самую качественную репродукцию, на которой изображена голая баба. Только смотри, чтобы она была не слишком крупная... в смысле не баба, а картина. И чтобы автором ее был художник с более-менее знакомой фамилией – это тоже важно. Затем возьми в каптерке простыню покрепче и при помощи нанопринтера перенеси на нее изображение в масштабе один к одному. Только не простым копированием, а... как бы это правильнее сказать?.. С соблюдением всех старинных художественных технологий... Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, не дурак. Сначала заставлю наноботов облепить и перекрасить на простыне нити так, чтобы они стали толстыми и грубыми, как у льняного холста. Затем смоделирую на нем слой грунтовки. А поверх нее нанесу уже само изображение. Тоже, разумеется, по науке: мазки, чешуйки, трещинки, потеки, выцветшие оттенки, эффект старения и все такое. А для полной аутентичности грубо обкромсаю края холста ножом – так, будто картину из рамы в спешке вырезали.

– Твою мать, откуда такие глубокие познания? – поразился я.

– Как откуда? Зря я, что ли, в Выгребной Слободе столько времени проторчал? – ответил Гаер, явно довольный тем, что опять угодил боссу. – Когда я узнал про коллекцию картин Дровосека, сразу подался к здешним скупщикам антиквариата за консультацией. Кто еще, кроме них, знает на Обочине толк в живописи? Вот один из этих парней, чей папа был когда-то известным реставратором, меня и просветил – очень уж польстила ему моя любознательность. И как оседлал он своего любимого конька, насилиу я от него отбил. Взаялся всерьез учить меня, как правильно настоящие картины от конвейерных фотокопий отличать, дабы я к нему всякий мусор потом на продажу не таскал... И что мне делать после того, как я голую третьяковскую бабу на нанопринтере отпечатаю?

– Перешлешь мне на мини-комп ее изображение. Только не слишком четкое, любительского качества. Затем получишь инструкции, куда доставить картину. На этом пока все...

– Так что там насчет моего оперативного псевдонима? – робко напомнил о себе Мамлюк, когда я, переговорив с Гаером, взялся дотошно изучать фотографии убитых нами сегодня праведников. Не всех, а лишь тех двух, чьи головы остались после смерти на плечах. А в особенности – ублюдка по имени Цефон, на которого у нас в архиве отыскалось досье. Не слишком подробное, но и то хлеб.

– Ну да, разумеется, я про тебя не забыл, – заверил я коротышку. Пришлось слукавить, поскольку, если бы он не завел речь о моем обещании, сам бы я, погрузившись в работу, отложил решение этого вопроса на потом. Невелика беда, поотзывался бы еще два-три дня на Мамлюка, Помпей недоделанный!

– И... что? – с надеждой осведомился он и затаил дыхание в ожидании моего вердикта.

Я отвлекся от работы, наморщил лоб, неторопливо смерил Мамлюка взглядом с ног до головы, почесал макушку... В общем, продемонстрировал ему громадное напряжение командирской мысли, хотя на самом деле она напряглась не больше, чем при вычислении квадратного корня из девяти. И выдала ответ, адекватный количеству затраченных усилий:

– За твой сегодняшний вклад в наше великое дело и за твои выдающиеся таланты приказываю тебе прекратить именоваться Мамлюком и отзываться на новый псевдоним – Башка.

– Башка?! Вы уверены?!

– Да... А что не так?

– Э-э-э... нет, ничего... Просто подумал, что неверно вас расслышал, – замаялся Башка, сооротив такую недовольную мину, будто я не осчастливил его новым именем, а наложил на него дисциплинарное взыскание.

– Однако, вижу, что-то ты не слишком рад подарку. – Я притворно нахмурился. – В чем дело? Не доверяешь авторитарному решению босса? Хорошо, давай поступим иначе. Тебе

наверняка объяснили в учебке, что у нас не чисто армейские порядки и что в полевых условиях каждый член оперативной группы имеет право совещательного голоса. А посему я обращаюсь ко всем присутствующим с просьбой высказаться касательно обсуждаемого вопроса. Итак, господа, прошу проголосовать: кому из вас нравится новое имя нашего эксперта по электронной разведке?

И я поднял вверх правую руку. Вектор с Астатом переглянулись, ухмыльнулись, кивнули и тоже высказались за.

– Крутое имя, – подыгрывая мне, добавил при этом Астат. – Сразу внушает уважение, не то что какой-то там Помпей. И я бы от такого имени не отказался, да только кто же мне его даст? Чтобы меня так нарекли, мне потребуется лишний килограмм мозгов нарастить.

Башка тоже дернул было рукой, но, надо отдать ему должное, не поднял ее и не стал кривить душой, делая вид, что всем доволен. Честный поступок. Еще один плюс к репутации коротышки, проходящему сейчас очередную командирскую проверку. Терпеть не могу у себя в команде подхалимов, и потому отгадно, что Башка не из таких.

– Кто против? – продолжил я опрос, опуская руку.

Рука Башки снова дернулась и снова не поднялась, хотя он по-прежнему выражал немое нежелание носить дарованный ему с барского плеча тулуп. Что ж, дополним парню характеристику: честный, но осторожный. Способен выразить несогласие, но более решительно протестовать не осмеливается. И это тоже ему в плюс – упрямыцы, как и подхалимы, мне здесь ни к чему.

– Итак, подытожим, – заключил я. – Трое за и один воздержавшийся. Вопрос решен положительно и посему снят с повестки дня. Как видишь, Башка, ты зря переживал: босс и команда в восторге от твоего нового оперативного псевдонима. И, насколько я знаю Гаера, он тоже вряд ли проголосовал бы против. Так что отпразднуй это дело, пока есть время, потому что завтра у тебя начнутся суровые и беспросветные трудовые будни... Ладно, а теперь больше меня не отвлекай – босс должен подготовиться к внедрению в Пламенный Крест. А пока я меняю личину и зубрю Завет Дьякона, ты, Башка, перепрошей мини-комп этого Цефона и синхронизируй его с моим... – И, поморщившись, проворчал под нос: – Цефон! Ну что за имечко! И охота Дьякону давать своим людям такие идиотские псевдонимы?..

Глава 3

Каким главным талантом должен обладать работающий в поле оперативник-комбинатор вроде меня? Метко и быстро стрелять? Искусно маскироваться? Стойко сносить тяготы изматывающих многосуточных разведрейдов? Уметь следить за Объектом так, чтобы тот незаметно даже носом шмыгнуть не смог?..

Бесспорно, все эти навыки для меня важны и входят в обязательный курс обучения комбинаторов. Однако любой из моих нынешних помощников – Вектор, Астат или Гаер – обойдут меня в этих дисциплинах с большим отрывом. Лишь в одном они не могут со мной сравниться (не беря в расчет мой талант оборотня) – в умении запоминать уйму информации, анализировать ее, отсеивать ненужную и манипулировать той, которая остается и переходит в разряд стратегической.

Именно в этом состоит главная задача Ведомственных комбинаторов: оказавшись на месте, быстро вникнуть в ситуацию, раздобыть максимум полезных сведений, после чего перетасовать колоду событий по-своему и разыграть ее с пользой для себя. А меткая стрельба и маскировка – это уже как карта ляжет. Тем более, что я всегда держу на подхвате исполнителей, которым по долгу службы предписано делать всю грязную работу и обеспечивать мою безопасность.

Впрочем, вряд ли они считают, будто я рискую меньше их. Наоборот, когда я покидаю базу и выхожу в рейд, это значит, что мне предстоит стать центральной фигурой текущей операции. И одновременно – первой потенциальной мишенью для нашего врага. Мишенью, на которую он обрушит самый яростный огонь и у которой будет мало шансов уцелеть, если ее прикрытие оплошает. Или вообще никаких шансов, если обеспечить ей прикрытие окажется невозможно в принципе.

Именно по такому экстремальному варианту – сольному, без огневой поддержки, – мне предстояло сегодня работать. Движущиеся скрытно следом за мной Вектор и Астат могли защитить меня на пути к церкви Неопалимая Купина, куда я направлялся, и, вероятно, у ее стен. Но внутри святилища праведников я смогу полагаться только на самого себя. А также на тот багаж знаний, какой я загрузил себе в голову перед тем, как выйти навстречу очередной опасности.

Итак, сегодня меня звали Цефон, и внешне я не отличался от того праведника, которого вчера утром подстрелил у Барьера Астат. Вид у меня был грязный и потрепанный, а на распухшей левой половине лица красовалось несколько ссадин, синяков и один глубокий свежий шрам, залепленный хирургическим клеем из походной аптечки. Разумеется, никакого грима – все самое что ни на есть натуральное. Можно сказать, ручная выделка; плод совместного творчества двух мастеров этого дела – Астата и Вектора. Первый обработал мне физиономию металлическим наручнем от доспехов, а второй подправил результат его труда с помощью ножа. За тем, чтобы Дьякон убедился: я действительно побывал в серьезной передрыге, о какой мне предстояло ему вскорости рассказать.

Глянув после этого на себя в зеркало, я лишь обреченно вздохнул. И утешился мыслью, что при следующей смене личины я избавлюсь от всех телесных повреждений. Если, конечно, не заполучу к тому времени новые, уже несовместимые с жизнью, и не выйду из игры самым досадным образом – вперед ногами.

Я знал о Цефоне немного. Он не был рядовым сектантом, о чем косвенно свидетельствовал сам факт наличия у нас его досье, составленного моим предшественником. Цефон принадлежал к той категории праведников, которых Дьякон выделял из своей паствы за особые заслуги и позволял называться его учениками. В переводе на язык армейской субординации Цефон считался в секте кем-то вроде командира взвода. В досье также говорилось, что про-

рок Пламенного Креста благосклонен к этому ученику настолько, что позволяет ему высказывать вслух свое мнение касательно политики Дьякона. В мини-компе воскрешенного мной мертвеца обнаружилась его переписка с другими учениками, в которой он просил их помочь ему уговорить Учителя провести кое-какие реформы. А конкретно: децентрализовать власть и создать несколько филиалов секты по всему Пятизону. Возглавить их должны были, естественно, Цефон и подобные ему Дьяконовы любимчики.

Выступили ли они со своим рацпредложением, и если да, то что ответил им Дьякон, память трофейного мини-компа умалчивала. Однако я взял себе на заметку: раз Цефон без опаски обсуждал с собратьями довольно смелые политические прожекты, не боясь, что кто-то на него донесет, значит, он продолжал числиться у Дьякона на хорошем счету. А голосовые записи, которые ученик-реформатор оставлял себе в виде памяток на будущее, позволили мне определить его манеру речи и настроить в процессе редупликации аутентичный тембр голоса.

В последние месяцы чистильщики преследовали секту не слишком рьяно. И Дьякон осмелел настолько, что снова перебрался в свою штаб-квартиру, откуда его периодически изгоняли: в церковь Неопалимая Купина. Я приблизился к ней за час до рассвета и был остановлен дежурившими у ее стен часовыми. Смоделированный мною голос Цефона не вызвал у встретивших меня праведников подозрений. Внешность – вроде бы тоже. Хотя по их прохладному приему я смекнул, что рядовая братия относится к этому любимчику пророка без особой симпатии. И хорошо. Это значит, мне не придется балагурить здесь с каждым встречным и поперечным, рискуя проколоться на незнании каких-либо деталей Цефоновой биографии.

Я не намеревался болтаться по лагерю, разбитому рядом с церковью, на месте бывшего парка, и двинул напрямик к ней, нигде не задерживаясь. И все равно весть о моем прибытии меня опередила. Видимо, часовым был дан приказ доложить об этом Дьякону немедленно, что они и сделали через Мю-фон сразу, как только меня пропустили. Я еще пересекал лагерь, а Учитель уже встречал меня, стоя в открытых церковных воротах со скрещенными на груди руками. Его кряжистая, полноватая фигура, озаренная сзади бледным светом десятков свечей, выглядела бы не так солидно, сойди он с крыльца на землю. Но он не сделал этого, и я, а также все, кто наблюдал за нами в столь ранний час, взирали на пророка подобающим образом – снизу вверх. И вдобавок гадали, в каком настроении он пробудился и какая участь меня вот-вот постигнет.

Являясь по сути клиническим психопатом, Дьякон был совершенно непредсказуем. И за его, казалось бы, внешним спокойствием в любой момент могла последовать вспышка ярости. Я приближался к этому человеку с ощущением, будто подносил факел к открытой пороховой бочке. Несмотря на мою осторожность и кропотливую подготовительную работу, в нашем общении с пророком всегда могла возникнуть шальная искра, которая сведет на нет все мои тактические замыслы. И с высокой вероятностью прикончит меня прямо на месте.

– Прости, Учитель!.. – Я не стал дожидаться, когда Дьякон заговорит со мной, и, пав перед крыльцом на колени, пополз вверх уже на четвереньках. – Прости и будь милосердным! Позволь мне прежде все тебе объяснить!..

– Две недели назад ты говорил мне те же самые слова, Цефон! – промолвил глава секты, укоризненно покачав головой. – И вот опять ты меня подвел! Второй раз подряд! И второй раз имеешь наглость взывать ко мне о милосердии!

Плохое начало. Я понятия не имел о том, что Цефон уже имел несчастье провиниться перед Учителем, и вдобавок совсем недавно. Это осложняло ситуацию даже для избранного ученика. Лишь тот факт, что меня не разоружили и не взяли под стражу, позволял надеяться, что пророк не планировал подвергать меня излишне суровому наказанию.

– ... Однако, разумеется, я тебя выслушаю, – продолжал он, не проявляя пока явных признаков злобы. – Ибо разве справедливо вершить суд, даже не выведав, что помешало рабу божьему вновь исполнить возложенную на него миссию... Встань, Цефон! Идем внутрь, побеседуем о твоём проступке с глазу на глаз.

И, повернувшись ко мне спиной, степенной походкой возвратился в церковь. Я покосился исподлобья на следящих за мной сектантов, после чего поднялся с колен и безропотно последовал за Учителем в пропахшую ладаном его излюбленную обитель.

Внутри Неопалимой Купины присутствовали еще трое сектантов, которые, судя по их усталому виду, справляли здесь всеобщую службу. По всем признакам – дежурную, поскольку Дьякон, чье лицо было заspanным, в ней участия явно не принимал. Его кабинет и опочивальня находились, видимо, за церковными кулисами – в ризнице или где-то еще, – но беседовать со мной он предпочел в главном храмовом зале. Приказав служителям удалиться, Учитель подозвал меня к начертанному на стене огромному распятию – центральному изображению среди здешних граффити, коими праведники расписали изнутри всю церковь, не дотянувшись разве что до ее сводов. И расписали, надо отдать им должное, весьма талантливо. С учетом, естественно, своих специфических представлений о вере. Так, к примеру, никаких мадонн с младенцами и пухлых амуров с арфами тут не наблюдалось в помине. Зато хватало ярких, выписанных с нарочитой натуралистичностью сцен из Откровения, где все меченосные ангелы носили доспехи исключительно черного цвета с нанесенными на них оранжевыми огненными крестами.

Само распятие также заметно отличалось от канонического. Христос на нем имел мускулистую фигуру атлета, а крест, на котором он висел, был объят пламенем, да таким жарким, как будто горящую древесину предварительно облили бензином. Лицо припекаемого сзади Спасителя было искажено гримасой дикой боли, а рот открыт в немом, обращенном к небесам вопле. Что, безусловно, придавало картине драматизма, но также расходилось с привычным образом кроткого великомученика.

Опустившись на колени и велев мне сделать то же самое по левую руку от него, Дьякон перекрестился и, не сводя взгляда с распятия, повелел:

– Поклянись пред ликом Пламенного Иисуса-воителя, мой нерадивый ученик, что поведаешь мне о своих прегрешениях все без утайки.

– Клянусь тебе, Учитель, пред ликом Пламенного Иисуса-воителя в том, что... – также осенив себя крестным знаменем, немедля отозвался я. И слово в слово повторил за пророком все, что он сейчас сказал.

– Хорошо, – заключил тот. – А теперь рассказывай – я весь внимание...

Даже являясь я на самом деле верующим, Спасителю было бы трудно уличить меня в неискренности. Фактически я поведал о вчерашней стычке в карьере правду. Ту, что Цефон видел собственными глазами до того, как погиб. Я показал даже след от пули, что вскользь задела мне наплечник и сбила меня с ног. После этого документальная часть моей истории плавно перетекла в область художественного вымысла. Но такого, какой вполне мог оказаться истиной, кайся сейчас перед Дьяконом настоящий ученик, если бы он и впрямь выжил и унес от нас ноги.

Дырки от пули, что угодила Цефону в живот и убила его, на моем надеваемом под доспехи комбинезоне не было, так как я снял его с другого трупа. Согласно моей легенде, упав после касательного попадания в наплечник, я стукнулся со всего маху головой о камень, после чего отключился. Я – ненадолго, а вот мой Мю-фон, похоже, навсегда. И когда я пришел в себя, меня уже обыскивал один из напавших на нас головорезов, который опрометчиво счел меня мертвецом. Не дав ему опомниться и схватить «карташ», я сцепился с мародером врукопашную. Он полоснул меня по лицу ножом, но я все же изловчился и вырубил его повернувшись под руку камнем. А затем рванул наутек, потому что к нам уже спешили приятели оглушенного мной ублюдка.

Подобрав на ходу автомат кого-то из мертвых товарищей, я бежал со всех ног, метался между камнями и отстреливался наугад, но в конце концов удрал из карьера в пустошь. Скорее всего, я ни в кого не попал, а иначе преследователи обозлились бы и гнались бы за мной до тех

пор, пока бы не настигли и не прикончили... Кто они такие? Рыцари Ордена Священного Узла, если судить по экипировке. Как сумели застать нас врасплох? Самому хотелось бы знать! Обрушились, будто гром среди ясного неба, ей-богу, мы даже глазом моргнуть не успели! Думается мне, есть у узловиков на том карьере схрон или потайная пещера, где они отсиживались, пока мы осматривали склоны и устраивали засаду. И убежище то будет нелишне поскорее найти и взорвать, поскольку тамошнее место давно нас кормит и повторение вчерашнего нападения нам не надобно...

– Значит, говоришь, человек из-за Барьера шел на встречу с Орденом! – пробормотал Дьякон, задумчиво пригладив бороду. – Да, скверно. Очень скверно! Возможно, мы действительно поступили опрометчиво. Но ведь мы не пролили ничью кровь, а Орден, вместо того чтобы попросить нас не вмешиваться, безо всякого предупреждения убил четырех наших братьев. Мы не вправе молча сносить подобные оскорбления! Кровь павших братьев вопиет об отмщении! Кто-то из людей приора Глеба за это не сегодня завтра дорого заплатит!

– Я готов привлечь к ответу любого узловика, на которого ты укажешь, Учитель! – с жаром вызвался я искупить свою вину. – Хоть самого приора Глеба! Хоть самого Хантера!..

С моей стороны это были чистой воды блеф и показуха. Я знал, что отмщение врагам считалось в Пламенном Кресте священной обязанностью, которую поручали лишь достойнейшим праведникам в знак особого к ним доверия Дьякона. И оно не распространялось на провинившихся, а тем паче провинившихся дважды кряду. И все же я был обязан попросить дать мне шанс поквитаться с Орденом и вернуть себе доброе имя. А иначе мое раскаяние выглядело бы неискренним, что еще больше подмочило бы мою репутацию в глазах Учителя.

Оставив мою мольбу без ответа, – зачем тратить время, разжевывая Цефону прописные истины? – он оперся на мое плечо и грузно поднялся с колен. Я не спешил этого делать. Когда наступит время, мне подадут нужный знак. А Дьякон, выйдя вперед, встал между мной и распятым и важно задрал голову. Чем красноречиво намекал, что, отчитавшись в своих грехах перед Господом, теперь я обязан покаяться уже непосредственно перед его пророком. И раз первый не поразил меня громом, значит, мои оправдания его удовлетворили. А вот устроили ли они второго, трудно пока сказать. И если нет, тут уже одной быстрой и гуманной молнией дело не обойдется.

Для меня наступил переломный момент, но я припас в рукаве козырь, который намеревался с минуты на минуту выбросить и добиться того, зачем я вообще сюда пожаловал.

– Будь на твоём месте иной провинившийся единовец, Цефон, – выдержав драматическую паузу, заговорил наконец Учитель, – я быстро определил бы по мере его грехов должное взыскание. Но сейчас я нахожусь в раздумьях о том, какую кару счесть для тебя справедливой. Легкую, потому что ты как-никак мой ученик, и я люблю тебя больше, нежели прочих братьев по вере. Или, наоборот, мне предать тебя нарочито тяжким мучениям? Именно потому, что ты опять-таки мой ученик и, значит, спрос с тебя должен быть особый... Вот что думаю: дабы я не терзался сомнениями, ты сам выберешь себе наказание. На том и порешим, ибо не может Учитель быть беспристрастным судьей, вынося приговор своему ученику.

Неуклюжая хитрость, хотя чего еще ожидать от пастыря не привыкших много рассуждать фанатиков? Разумеется, выбор передо мной стоял чисто символический. В действительности жаждущий искупления Цефон мог выбрать себе только самую тяжелую кару. Это доказало бы Учителю, что дух ученика по-прежнему крепок, а дальше все зависело лишь от настроения пророка. И если мой ответ сделает его благодушным, я смогу рассчитывать если не на отмену, то хотя бы на смягчение приговора.

Однако у меня имелось на сей счет третье мнение, которое должно было стать для Дьякона сюрпризом.

– Огромное тебе спасибо, Учитель, – поблагодарил я своего палача, смиренно склонив голову. – Ты оказал мне честь, и я восхищен твоей великой милостью. Но если ты не против, то за утрату твоего ко мне доверия я хотел бы, чтобы ты наложил на меня особую епитимью.

– Вот как? – удивился пророк. – И ты уже выбрал, какую именно?

– О, да! Она безмерно тяжела, и если я с ней не справлюсь, то готов умереть самой страшной смертью, какую ты только мне придумаешь. Если, конечно, в случае неудачи я останусь в живых, что у меня вряд ли получится.

– Любопытное предложение. – Дьякон посмотрел на меня с хитрым, оценивающим прищуром и вновь пригладил бороду. – И что же это за такая суровая епитимья?

– Раз я не имею права отомстить Священному Узлу за погибших единоверцев, – приступил я к изложению своей идеи, – то позволь мне раздобыть новое оружие для тех наших братьев, какие бросят вызов приору Глебу и его орденским псам.

– Оружие? – переспросил пророк. Я воодушевленно кивнул. – Ну что ж, оружие нам сегодня позарез необходимо, это верно. Никак не меньше полусотни стволов. А лучше бы еще больше. И долго ты намерен охотиться в одиночку на еретиков, чтобы собрать так много автоматов? Да к тому же непременно новых, как ты сам только что мне пообещал.

– Я готов убить столько еретиков, сколько ты прикажешь, Учитель! – ответил я с волнительной дрожью в голосе. – И не ради оружия, а исключительно во имя нашей великой веры! А пятьдесят новых стволов – или больше, если повезет! – я приобрету у нашего обычного поставщика. И, конечно же, доставлю товар туда, куда ты мне велишь.

Я знал, как зовут упомянутого мной местного оружейного барона, который и был тем самым любителем живописи, о каком я недавно упоминал. Но я сомневался, что Цефон посвящен в коммерческие тайны пророка. И потому во избежание ненужных подозрений предпочел не называть ему имени этого человека.

– Так-та-а-ак! – Дьякон нахмурился и грозно навис надо мной. Что ему никогда не удалось бы, не стой я перед ним на коленях. – И как это прикажешь понимать?! У тебя что, есть от нас, твоих единоверцев, какие-то секреты? Например, крупный счет в банке? Или тайник с артефактами, которые ты собирал втихаря от нас долгое время? Или иные богатства, какими ты не поделился бы с братьями, не грози я тебе мучительной карой?

– Нет-нет, Учитель! – Я отчаянно замахал руками и замотал головой. – Прости, что заставил тебя так плохо обо мне подумать! Клянусь, сейчас я все тебе объясню!

– Да уж, изволь постараться!

– Нет у меня никаких банковских счетов и тайников, Господом Богом клянусь! Просто я знаю место, где закопана одна картина. Старинная и, наверно, очень ценная! И если ее выкопать и продать на Обочине, этих денег нам должно хватить на партию оружия. А может, на большую партию, если поторговаться.

– Ты прознал, где закопана ценная картина, но до сих пор не выкопал ее и не принес нам. Почему?

– Тут такое дело, Учитель... Ведь это же я сам ее и закопал.

– Что-о-о?! И после этого тебе хватает наглости клясться пред ликом Пламенного Иисуса-воителя в том, что у тебя нет никаких тайников?! – Дьякон начинал свирепеть, но пока контролировал свой гнев. Видимо, моя тайна его заинтриговала, и, прежде чем спускаться на меня собак, ему хотелось узнать ее до конца.

– погоди, Учитель, сейчас ты поймешь, почему я так поступил!.. Я наткнулся на ту картину в Москве, среди развалин на Крымском Валу! Потом я узнал, что раньше там была какая-то не то выставка, не то галерея...

– Третьяковская?

– Возможно, не помню... Короче говоря, гнались тогда за мной биомехи, и я решил от них там скрыться. Забился в какую-то щель, а в ней – плита обвалившаяся... вот!

– А под плитой – картина? – Кажется, пророк начинал-таки терять терпение.

– Истинно так! Твоя правда, Учитель! Лишь уголок резной позолоченной рамы торчит, едва заметить можно. А не залезь я в щель, то и вовсе того уголка не увидел бы. Гляжу, значит, и смекаю, что в такой-то раме всякое барахло на стену вешать не будут. И потому мне надо эту штуку непременно откопать, посмотреть и забрать, если, конечно, в ней есть ценность. Картинка на вид и впрямь была недешевой: вся такая солидная, увесистая, настоящими красками намалеванная... Прямо как в музее... где я, в общем-то, и был, правда, тогда еще об этом не подозревал. Только вот не осмелился я такую картину унести к единоверцам. Слишком греховной она была, чтобы оскорблять ею наш храм, а также веру и чувства. Настолько греховной, что мне ее даже в руки стало брать противно, не то что смотреть на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.